

В. А. Томсинов

**Развитие университетского
юридического образования
в России
в период с 1884 до 1917 года**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство». 2013.

№ 3. С. 88–94. № 4. С. 88–94. № 5. С. 81–87.

№ 6. С. 88–94. № 7. С. 88–94. № 8. С. 88–94.

1

Время, охватывающее годы с 1884-го до 1917-го, составляет особый период в истории российского университетского юридического образования. Начало ему положило принятие 23 августа 1884 года нового Общего устава императорских российских университетов. Изданным в этот день высочайшим Именным указом было повелено ввести его в действие в университетах С.-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском, Св. Владимира (в городе Киеве) и в Новороссийском (в городе Одессе) с 1884–1885 учебного года¹. Главной целью принятия нового Общего устава в указе было названо обеспечение «правильного развития университетского образования, соответственно выяснившимся потребностям государства и народа и в духе истинного просвещения»².

* * *

О необходимости пересмотра Общего устава императорских российских университетов 1863 года в правительстве заговорили уже через несколько лет после его принятия. Расследование покушения Каракозова на Александра II, совершенное 4 апреля 1866 года, выявило, что антигосударственное мировоззрение появилось у него во время учебы в университете, сначала Казанском, потом Московском³. Реакция самодержавной власти на это открытие была незамедлительной: 14 апреля император отправил в отставку министра народного просвещения А. В. Головнина, назначив на его место обер-прокурора Синода графа Д. А. Толстого. В своем рескрипте, изданном 13 мая того же года на имя председателя Комитета министров князя Гагарина, Александр II объявил, что взял учебные заведения под особый надзор. «Мое внимание уже обращено на воспитание юношества, — заявил его величество. — Мною даны указания на тот

¹ Именной указ, данный Сенату, «О введении в действие Общего устава и временных штатов императорских российских университетов» // 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2403. С. 456.

² Там же.

³ На допросе Д. В. Каракозов следующим образом объяснил свой поступок: «Я был человек болезненный, нервный и вместе с тем нерелигиозный, — конечно, весьма естественно, что у меня родилась мысль о самоубийстве; в то же время я был в университете, а, как известно, все студенты читают прокламации. Очень естественно, что при таких обстоятельствах у меня родилась склонность к преступлению...».

конец, чтобы оно было направляемо в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка, и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускомо ни явное, ни тайное проповедание тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа»⁴.

Наиболее эффективным способом борьбы с антигосударственными настроениями в студенческой среде правительство считало усиление контроля государственной власти за университетами, но его действия в этом направлении существенно ограничивала университетская автономия, закрепленная Общим уставом российских университетов 1863 года⁵. В связи с этим в правительственных кругах стала утверждаться идея его пересмотра.

В августе 1872 года министр народного просвещения Д.А. Толстой направил попечителям учебных округов циркулярное предложение, которым поручил им выяснить мнение университетских советов о желательных изменениях в Университетском уставе. Советы единодушно высказались за сохранение основополагающих его принципов, в особенности тех, которые юридически закрепляли автономию

⁴ Высочайший рескрипт, данный на имя председателя Комитета министров, действительного тайного советника князя Гагарина 13 мая 1866 года, объявленный Сенату министром юстиции 14 мая 1866 года «О главных началах, которыми должны руководствоваться министра и главноуправляющие отдельными частями при управлении вверенными им ведомствами» // 2-ПСЗРИ. Том 41. Отд. 1. № 43298. С. 548.

⁵ Московская полиция не могла, например, даже просто получить сведения о студентах и лицах, посещающих лекции в университете, без разрешения его руководства. «Правила о надзоре за студентами вне стен университета и воспитанниками высших учебных заведений разных ведомств», одобренные высочайше утвержденным 26 мая 1867 года положением Комитета министров, предусмотрели следующий порядок для этого: «По значительному числу учащихся в Московском университете и обширности столицы, установление той или другой меры к тому, чтобы полиция имела сведения о всех студентах и лицах, посещающих университетские лекции и другие высшие учебные заведения в Москве предоставляется ближайшему соглашению университетского начальства с Московским обер-полицмейстером с содействием, если нужно, начальства Московского учебного округа и Московского генерал-губернатора» (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 4. Царствование императора Александра II. 1865-1870. СПб., 1871. Стлб. 474).

университетов. Изменения, которые они предложили внести в него, имели большей частью редакционный характер⁶.

Вместе с тем некоторые из профессоров и культурных деятелей высказались за пересмотр Общего устава российских университетов 1863 года и раскритиковали построенную на его основе систему университетского управления. Профессор физико-математического факультета и член Совета Московского университета Н.А. Любимов⁷ в своей записке «По поводу предстоящего пересмотра университетского устава», которую подал сначала в Совет, а затем опубликовал в журнале «Русский вестник» (1873. Кн. 2. С. 886–903) заявил, что «действующая система университетского устройства правильнее может быть названа системою управления понемногу всеми и никем, системою невмешательства, или, вернее, обязательного невнимания властей, или, наконец, системою общей безответственности». Признавая вредной самостоятельность университетского сообщества в управлении университетами, Николай Алексеевич считал ее благотворной и желательной в научной и преподавательской деятельности. «Какие меры по отношению к университетам могут быть признаны либеральными в истинном смысле, серьезно либеральными мерами? — вопрошал он. — Очевидно те, которые клонились бы к допущению и ограждению академической свободы исследования и преподавания,

⁶ Выражая господствовавшее в университетской среде настроение, профессор юридического факультета Казанского университета Яков Спиридонович Степанов писал: «Одним из самых дорогих подарков и услуг, оказанных университетам уставом 1863 [года], было, без сомнения, возвращение им права самоуправления, ибо это право есть один из главных нервов академической жизни, воздух, вне которого весь “corpus universitatis” обращается в труп или агрегат не связанных между собой частей, равнодушных друг к другу и к общему делу... Потому, если желательно дальнейшее преуспеяние университетов, то это дорогое право должно быть упрочено и расширено, но никак не ограничено; впрочем некоторые изменения и дополнения мне кажутся возможными и по отношению к самой организации самоуправления» (Степанов Я. С. По поводу пересмотра уставов университетов. Казань, 1878. Отдел второй. С. 42).

⁷ Николай Алексеевич Любимов (1830–1897) был не только крупным ученым-физиком (специалистом по электродинамике и теории магнетизма), но и блестящим публицистом (писал под псевдонимом Варфоломей Кочнев) и видным историком. Его перу принадлежит, например, обширная, объемом в 677 стр., и весьма содержательная книга на актуальную для России тему «Крушение монархии во Франции: Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1787-1790)», изданная в 1893 г. в Москве, в университетской типографии.

которые содействовали бы призванию к жизни духа науки и умственной самостоятельности, пробуждению интереса к высшим задачам знания, оживлению философского направления»⁸. «Университетское преподавание, — продолжал профессор, — по самому характеру своему есть преподавание многостороннее и свободное. Цель его — не столько сообщить знания, сколько возбудить самодеятельность. Стесняя строго определенными программами, данными извне, превращая университет в школу, где выучиваются определенной сумме знаний, мы бы уронили значение университетов как представителей самобытного движения науки и мысли... Каждый профессор должен иметь возможность передавать свой собственный взгляд на науку и на те части и стороны ее, которые наиболее интересуют его самого. Университетское преподавание тогда только хорошо, когда оригинально и субъективно; только тогда способно оно вызвать самодеятельность в слушателях»⁹.

Высказывания Н.А. Любимова о пагубности для университетов той самостоятельности, которую им предоставил Университетский устав 1863 года, и о необходимости его пересмотра должно было бы стать поводом для серьезной дискуссии о сущности университетского образования, о достоинствах и недостатках действующего устава и сложившегося на его основе устройства университетов. Ведь Николай Алексеевич выражал в данном случае не только свои взгляды, но и воззрения значительной части образованных русских людей¹⁰. Однако

⁸ Любимов Н. А. По поводу предстоящего пересмотра университетского Устава // Русский вестник. 1873. № 2. С. 889.

⁹ Там же. С. 899–900.

¹⁰ Суть этих воззрений предельно ясно сформулировал правовед Н. Е. Волков. По его словам «одна из отличительных особенностей действовавшего до 1884 года устава, изданного в 1863 году, заключалась в том, что он почти вовсе упразднил государственную власть над университетами, отдав их в полное распоряжение профессорских коллегий, которые сами более или менее случайно слагающимся большинством голосов решают все университетские дела и избирают всех должностных лиц от повивальной бабки до ректора включительно. Это называлось самоуправлением университетов. Положение общества, управляющего своими делами, конечно, может быть названо самоуправлением, но положение корпорации или коллегии, произвольно распоряжающейся судьбою других, едва ли это может быть названо самоуправлением. Еще удивительнее, что правительство, издав этот устав, отказалось от власти в важном деле университетского образования, передало его людям неизвестным ему, как правительству, потому что профессорские коллегии сами выбирают и исключают своих членов и сами ставят своих старшин. Правительство предоставило

настоящей дискуссии о достоинствах и недостатках Устава 1863 года в университетской среде так и не возникло. На профессора, посмеявшегося всего лишь показать собственное понимание необходимой для университетов автономии, выразить собственный взгляд на устройство российских университетов, отличный от мнений большинства, обрушилась волна агрессивной критики. Одна за другой начали появляться в периодической печати многословные статьи¹¹, авторы которых, почему-то прятавшиеся большей частью за псевдонимами, не вникая в суть высказанных Любимовым идей, старались представить его личность в самом неприглядном виде только за то, что он посмел заявить о неспособности университетского сообщества в России к самоуправлению, к независимой от государства, самостоятельной деятельности во благо русского общества. Впрочем, Любимов отвечал в столь же резких тонах, раздавая негативные оценки своим критикам и уходя от серьезного разбора их аргументов¹². Вся эта публицистическая кампания предельно ясно показывала в каком плачевном умственном состоянии оказалась российская университетская корпорация. У правительства, заинтересованного в пересмотре Университетского устава 1863 года, развязывались руки.

Из документов Министерства народного просвещения видно, что действовать в этом направлении правительство побуждалось целым комплексом различных обстоятельств. Это: *во-первых*, повторявшиеся беспорядки в российских университетах, которые демонстрировали,

себе только приятное право исполнять их решения и утверждать их выборы. Государственная власть как бы упразднила себя в деле столь важном для государства, как высшее образование отборного юношества страны, в котором заключается ее будущность, свет и разум ее народа» (Волков Н. Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1910. С. 3).

¹¹ Герье В. И. Университетский вопрос. По поводу мнения пр. Любимова о пересмотре Университетского устава, в «Русском Вестнике», 1873, февраль // Вестник Европы. 1873. Том 2. Кн. 4. С. 818–836. К. Муций Сцевола. Трилогия на Трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 1. С. 284–356. Рачители университетского устава. (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1873. № 3. С. 87–114. Статья была подписана буквой «О», скрывшей имя ее автора профессора Московского университета А. А. Майкова.

¹² См., например: Любимов Н.А. Объяснение // Русский вестник. 1873. Том 104. № 4. С. 885–889.

что студенты воспитываются в них в антигосударственном и антирусском духе¹³. Во-вторых, неспособность университетов готовить в необходимом количестве и качестве учителей для средних учебных заведений, что заставило правительство учредить историко-филологические институты в Санкт-Петербурге и Нежине, временно открыть в северной столице Славянский учительский институт и русскую филологическую семинарию при Лейпцигском университете, а также «принять особые меры для приготовления учителей реальных училищ при высшем техническом заведении в Москве и при некоторых политехнических институтах за границей»¹⁴. В-третьих, сохранение на продолжительное время ряда важнейших кафедр в университетах незамещенными. В-четвертых, частые раздоры в советах университетов (за исключением Санкт-Петербургского), которые нередко влекли за собой выход в отставку немалого числа ведущих профессоров и вызывали волнения среди студентов, но в любом случае вредили университетскому учению и роняли авторитет профессоров¹⁵. В-пятых, распространенные в университетах случаи нерадивого исполнения профессорами их преподавательских обязанностей, а именно: «пропуск лекций и опаздывание на них, отлучки профессоров в учебное время, вследствие несвоевременных командировок и отпусков без принятия мер для их замещения, чрезмерное сокращение учебного времени»¹⁶.

Сообщая министру народного просвещения о подобных фактах, попечители учебных округов ссылались на то, что действующий Университетский устав, вследствие неясности и неопределенности

¹³ Вопрос о студенческих беспорядках обсуждался 22 ноября 1874 года. Особым совещанием министром под председательством П.А. Валуева. Главной их причиной была признана внутренняя организация университетов, установленная Общим университетским уставом 1863 года.

¹⁴ Материалы, собранные отделом высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г. СПб., 1876. С. 6.

¹⁵ Наиболее ярким примером является в данном случае конфликт на юридическом факультете Московского университета по поводу избрания декана и последующий уход из Московского университета Б. Н. Чичерина и некоторых из его сторонников. См. об этой истории: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М., 2013. С. 102–106.

¹⁶ См. об этом: Материалы, собранные отделом высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов. С. 7.

норм об их правах и обязанностях, «не предоставляет им всех способов действия для отвращения и устранения»¹⁷ всех этих и подобных им явлений.

Принимая указанные обстоятельства в качестве оснований для пересмотра Общего устава российских университетов 1863 года, правительство забыло о том, что на подобные недостатки университетской организации обращалось внимание еще в начале 60-х годов, при обсуждении проекта данного устава. Более того, устав этот и принимался именно для того, чтобы устранить их. Н.И. Пирогов, активно участвовавший в дискуссии по поводу готовившейся тогда университетской реформы, писал в декабре 1862 года: «Нет сомнения, внутренняя необходимость в определенном направлении и в большей ответственности с современными требованиями науки и общества ощущается почти всеми, кому университеты близки к сердцу или сколько-нибудь известны. Даже в германских университетах слышатся голоса о реформах. В них нет уже прежнего наплыва студентов; утилитарные школы многих уже отвлекли, да большинство и посещающих не остается верным университетскому призванию. У нас, напротив, хотя число учащихся и растет, но вряд ли находит то, чего ищет, и вряд ли ищет того, что может дать университет. Это потому, что направление нашего университета еще вовсе не определилось. Вакантные кафедры его трудно замещаются. Это потому, что внутренняя, динамическая жизнь университета слаба до чрезвычайности. Материальное существование его членов не обеспечено. Научные и учебные средства недостаточны. Это значит, что и материальная сторона университета также скудна, хотя и относительно. Итак, причин внутренних, вызывающих реформу, довольно. Но несмотря на это, если мы будем откровенны, то согласимся, что все-таки самый главный толчок, заставивший у нас так деятельно заняться реформой университета, был дан обстоятельством чисто внешним — студентскими¹⁸ беспорядками»¹⁹.

21 апреля 1875 года император Александр III утвердил всеподданнейший доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого,

¹⁷ Там же.

¹⁸ Так в оригинале. — В. Т.

¹⁹ Пирогов Н.И. Университетский вопрос. СПб., 1863. С. 8-9

в котором говорилось: «Признавая необходимым приступить к пересмотру общего устава российских университетов 1863 года, приемлю долг всеподданнейше испрашивать Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение: 1) на учреждение при Министерстве народного просвещения, под председательством члена Государственного совета действительного тайного советника статс-секретаря Делянова Комиссии для пересмотра сего устава, и 2) на предоставление ему права выбрать членов в эту Комиссию с тем, чтобы оные утверждались в сем звании министром народного просвещения»²⁰.

В состав комиссии были включены: член совета министра народного просвещения А.И. Георгиевский, ординарный профессор Московского университета Н.А. Любимов, служивший при Министерстве внутренних дел чиновник Гезен, причисленный к Министерству народного просвещения В.М. Флоринский и помощник попечителя Киевского учебного округа генерал-майор И.П. Новиков²¹.

С 20 сентября и по 28 ноября 1875 года члены указанной Комиссии исследовали состояние университетов в Казани, Дерпте, Варшаве, Киеве, Одессе, Харькове и Москве. Они посещали лекции профессоров, осматривали учебные пособия, знакомились с делами факультетов и университетских советов, беседовали с преподавателями, стараясь узнать их мнения о недостатках действующего устава и желательных изменениях в устройство университетов. При этом «каждому из университетских преподавателей предоставлялась полнейшая свобода высказываться не только в том или другом смысле, что разумеется само собою, но и по тем или другим вопросам, которые более интересовали его или в которые он имел случай более вдуматься, или и по иным вопросам, которые не имела в виду комиссия»²².

Собранные Комиссией материалы не позволили выработать строго определенных рекомендаций для составления проекта нового

²⁰ Об учреждении Комиссии для пересмотра университетского устава.

21 апреля 1875 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 6. Царствование императора Александра II. 1874–1876. СПб., 1878. Стлб. 898.

²¹ См.: Материалы, собранные отделом высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов. С. 2.

²² См.: Там же. С. 5.

Общего устава российских университетов²³, тем не менее работа по подготовке университетской реформы началась.

В феврале 1880 года проект нового Общего устава императорских российских университетов был внесен на обсуждение Государственного совета. Правительство, понимая, что идея пересмотра Устава 1863 года не имеет поддержки в русском образованном обществе, сочло благоразумным действовать не спеша. 14 июля 1880 года император Александр II, ознакомившись с докладом управляющего Министерством народного просвещения А. А. Сабурова²⁴, повелел предоставить ему право «вносить на рассмотрение Государственного совета отдельные представления по различным частям предполагаемого преобразования в той последовательности, которая по ходу дела представится наиболее удобною». Кроме того, его величество наделил министра Сабурова полномочием «в случае надобности требовать по возникающим вопросам надлежащие сведения и заключения от университетов и попечителей округов»²⁵.

Смерть Александра II в результате покушения на его жизнь, совершенного 1 марта 1881 года, отложила рассмотрение проекта нового университетского устава в Государственном совете и его высочайшее утверждение. Министр А.А. Сабуров, руководивший его разработкой, был заменен 24 марта 1881 года новым императором на барона А.П. Николаи, который в свою очередь 16 марта 1882 года уступил должность главы Министерства народного просвещения графу И.Д. Делянову²⁶. Это назначение ускорило работу над проектом нового Университетского устава. Иван Давыдович имел ясное и твердое представление о том, как следовало перестроить организацию

²³ См. сводку этих материалов в издании: Университетский вопрос. Извлечение из материалов, собранных отделом высочайше учрежденной комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. 187. Современная летопись. С. 131–178.

²⁴ Андрей Александрович Сабуров был назначен на этот пост 24 апреля 1880 г., когда был отправлен в отставку с поста министра граф Д. А. Толстой.

²⁵ О порядке направления дела об изменении и дополнении устава и штатов российских университетов. 14 июля 1880 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 7. Царствование императора Александра II. 1877–1881. СПб., 1883. Стлб. 1843–1844.

²⁶ Граф Иван Давыдович Делянов будет занимать должность министра народного просвещения до самой смерти, последовавшей 29 декабря 1897 г.

и деятельность российских университетов. В Комиссии именно под его председательством несколько лет назад началась подготовка университетской реформы. 30 ноября 1882 года министр Делянов внес проект нового Университетского устава в Государственный совет.

В октябре, ноябре и декабре 1883 года, а также 5, 23 и 30 января, 6 февраля, 9 и 11 мая следующего года проекты Общего устава и штатов императорских российских университетов обсуждались на заседаниях соединенных департаментов законов и государственной экономии Государственного совета. 29 мая 1884 года они были рассмотрены в Общем собрании. Обнаружившиеся в ходе обсуждения проекта нового Университетского устава разногласия между членами Государственного совета касались таких вопросов, как система выпускных испытаний, программы преподавания наук, порядка замещения должностей ректоров, деканов и секретарей факультетов, назначения профессоров по усмотрению министра народного просвещения, права профессоров преподавать по нескольким кафедрам и др. Большинство членов Государственного совета высказалось против предложенного Министерством народного просвещения проекта устава, предполагавшего ограничение университетской автономии и усиление контроля за знаниями студентов. В ответ на это министр И.Д. Делянов представил записку с изложением доводов в пользу принятия именно данного варианта Университетского устава. Причем особенно жестко Иван Давыдович настаивал на введении государственных экзаменов²⁷.

15 августа 1884 года император Александр III одобрил мнение Государственного совета о передаче проектов Общего устава императорских российских университетов, временного штата означенных учебных заведений, «расписания должностей и окладов содержания по инспекции в университетах», высочайшего Указа Правительствующему Сенату о приведении этих законоположений в действие на утверждение и подписание его императорского величества²⁸.

²⁷ См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 615.

²⁸ Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 15 августа 1884 г. // 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 456.

23 августа 1884 года его величество утвердил новый Общий устав императорских российских университетов²⁹. Его отличие от прежнего Университетского устава проявлялось в первой же статье. Общий устав российских университетов 1863 года начинался с параграфа, в котором говорилось: «Каждый университет состоит из факультетов, как составных частей одного целого»³⁰. Университетский устав 1884 года открывался статьей, которая гласила: «Университеты состоят под особым покровительством Его Императорского Величества и именуются Императорскими»³¹. Эта формулировка выражала собой главную тенденцию новой университетской реформы в России – усиление контроля государственной власти за деятельностью университетов.

2

Главное отличие нового Общего устава императорских российских университетов от прежнего заключалось в юридическом закреплении более активной роли государства в университетской жизни. Наиболее отчетливым проявлением этой перемены стало существенное расширение полномочий министра народного просвещения и попечителей учебных округов относительно университетов и соответственно в резком сужении той сферы, где университеты могли действовать самостоятельно.

Общий устав императорских российских университетов 1863 года устанавливал, что «ректор избирается Советом на четыре года из ординарных профессоров университета и утверждается в сем звании высочайшим приказом» (§ 27), что «деканы избираются в собраниях своих факультетов на три года, из ординарных профессоров, а если таких в факультете менее трех, то и из экстраординарных, и утверждаются министром народного просвещения» (§ 8)³².

²⁹ 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 457–474. См. также: Общий устав и временный штат императорских российских университетов, а также росписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб., 1884.

³⁰ Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов. 18 июня 1863 г. // 2-ПСЗРИ. Том 38. № 39752. С. 622.

³¹ Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов. 23 августа 1884 г. // 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 457.

³² Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов. 18 июня 1863 г. // 2-ПСЗРИ. Том 38. № 39752. С. 625, 622.

Университетский устав 1884 года предписал в статье 10: «Ректор избирается министром народного просвещения из ординарных профессоров университета и назначается высочайшим приказом на *четыре* года. По истечении четырехлетнего срока службы ректор может быть оставлен, с высочайшего соизволения, в той же должности на следующее четырехлетие»³³. А статья 24 определила, что «декан избирается попечителем учебного округа из профессоров соответственного факультета и утверждается в должности на четыре года министром народного просвещения. По истечении четырехлетнего срока службы декан может быть оставлен, с разрешения министра, в должности на следующее четырехлетие»³⁴.

Такой порядок избрания ректоров и деканов будет существовать в российских университетах до введения в действие Именным высочайшим указом, данным Сенату 27 августа 1905 года, «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения». Данный законодательный акт предоставит Совету и факультетам в российских университетах «избирать: первому – ректора и его помощника, где таковая должность установлена законом³⁵, вторым – деканов и секретарей факультетов». При этом будет предусмотрено, что «ректор и его помощник избираются из числа ординарных профессоров, деканы и секретари – из всех профессоров соответственного факультета. Избранные Советом и факультетами лица представляются в установленном порядке на утверждение»³⁶.

³³ Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов. 23 августа 1884 г. // 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 458.

³⁴ Там же. С. 459.

³⁵ В Московском университете должность помощника ректора как его «ближайшего сотрудника» «в непосредственном заведывании всеми частями управления Московским университетом, в указанных Общим университетским уставом пределах», была учреждена 30 мая 1888 г. При этом было установлено, что «помощник ректора избирается попечителем Московского учебного округа из ординарных профессоров университета и определяется в должность министром народного просвещения на четыре года» (Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении должности помощника ректора при императорском Московском университете». 30 мая 1888 года // 3-ПСЗРИ. Том 8. № 5271. С. 295).

³⁶ 3-ПСЗРИ. Том 25. Отделение 1. № 26692. С. 658–659.

В Общем уставе российских университетов 1863 года правомочиям попечителя учебного округа был посвящен всего один параграф. Согласно ему попечитель мог: 1) «принимать все нужные, по его усмотрению, меры, чтобы принадлежащие к университету места и лица исполняли свои обязанности», 2) делать Совету, «когда признает это нужным, предложения, как по делам университета, так и по делам учебного округа», 3) разрешать, «в определенных Уставом пределах, представления по делам, превышающим власть университета, или входить по таким делам с представлениями к министру народного просвещения» (§ 26)³⁷. Сформулированные в самой общей форме эти правомочия не давали попечителю учебного округа возможности оказывать определяющее воздействие на университетскую жизнь.

В Общем уставе 1884 года правомочиям попечителя учебного округа было посвящено четыре статьи — с шестой по девятую. В них говорилось, что попечитель «заботится о благосостоянии университета; наблюдает за ходом университетского преподавания и за точным исполнением всеми принадлежащими к университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжениями правительства; пресекает всякое уклонение от сих правил; возбуждает дела об ответственности виновных и ходатайствует о награждении достойных». Попечителю было предоставлено право, «по усмотренной им надобности, созывать Совет, правление и собрания факультетов, а также присутствовать в заседаниях сих установлений». Кроме того, Устав 1884 года, возложив на попечителя «обязанность высшего руководства во всех распоряжениях по охранению порядка и дисциплины в университете», наделил его правом «давать ректору обязательные для него предложения о надзоре за студентами и требовать донесений о собственных его распоряжениях в этом отношении»³⁸. Таким образом, новый Университетский устав сделал попечителя учебного округа, в сущности, руководителем университета. В этой связи закономерно, что именно глава о попечителе открывала отдел Устава 1884 года об управлении университетом. В то время как в Уставе 1863 года

³⁷ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отделение 1. № 39752. С. 625.

³⁸ 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 458.

попечителю была посвящена лишь третья глава, следовавшая после глав «Общие положения» и «О факультетах».

Новый университетский устав в более конкретных формулировках и детальнее, чем предшествующий, изложил вопросы, подлежащие решению факультетскими собраниями. Прежний устав сводил предметы их занятий, «предоставляемые утверждению собственной властью», к четырем категориям: «1) меры к усилению учебной деятельности студентов. 2) Программы на конкурсы для занятия вакантных кафедр. 3) Одобрение сочинений, издаваемых университетов. 4) Программы преподавания» (§ 23)³⁹.

В Уставе 1884 года «дела, предоставляемые окончательному решению» факультетских собраний были разбиты на одиннадцать пунктов: «1) Производство испытаний на ученые степени, полукурсовых, поверочных, состязательных и вообще имеющих целью обеспечение успешного хода студенческих занятий; 2) засчитывание учащимся полугодий и удостоверение окончивших полный курс в университете выпускных свидетельств; 3) постановления о выдаче магистрантам свидетельств о выдержании ими испытания на степень магистра, а равно свидетельств на право чтения лекций с званием приват-доцента; 4) рассмотрение сочинений, предназначаемых к изданию на счет университета или с его одобрения; 5) назначение ежегодных задач студентам и посторонним слушателям для написания сочинений; 6) присуждение студентам и посторонним слушателям медалей и почетных отзывов за написанные ими сочинения; 7) присуждение премий за ученые труды на задачи, предлагаемые к решению ученых, в тех случаях, когда право это предоставлено факультету особыми постановлениями; 8) обсуждение предложений ректора о мерах к обеспечению полноты и правильности университетского преподавания и постановление по сим предположениям заключений; 9) разрешение профессорам читать лекции и назначать практические занятия со студентами по другим предметам, сверх преподавания по занимаемой каждым профессором кафедре, если избранный для чтения предмет принадлежит другому факультету; 10) рассмотрение отчетов преподавателей о практических занятиях со студентами; 11) допущение, в подлежа-

³⁹ 2-ПСЗРИ. Том 38. Отделение 1. № 39752. С. 624.

щих случаях (ст. 86), докторов иностранных университетов к испытанию на степень магистра, без предварительного испытания в знании полного курса наук факультета»⁴⁰.

Кроме перечисленных вопросов, рассматривавшихся факультетским собранием, Устав 1884 года выделил двенадцать категорий дел, вносившихся для окончательного решения в Университетский совет, и две категории дел, передававшихся на решение в правление университета⁴¹.

В отличие от Общего устава российских университетов 1863 года Устав 1884 года определил круг вопросов, которые решались факультетским собранием без участия Университетского совета: после рассмотрения факультетом результаты их обсуждения представлялись непосредственно на утверждение попечителя и а Совету лишь сообщались для сведения. Это, во-первых, избрание лаборантов и их помощников, хранителей кабинетов и музеев и т. д. — по представлениям профессоров, занимавших соответствующие кафедры; во-вторых, избрание на медицинском факультете ординаторов клиник, провизора и письмоводителя факультета; в-третьих, «допущение лиц, имеющих право быть приват-доцентами (ст. 110), к чтению лекций в университете, с присвоением сим лицам означенного звания»; в-четвертых, «выбор лиц, оставляемых при университете, в качестве стипендиатов, для приготовления к ученым степеням, а равно предназначаемых к отправлению за границу на казенный счет»; и в-пятых, вопросы, предлагавшиеся попечителем для обсуждения в собрании факультета⁴².

По Общему уставу 1863 года вопрос о «допущении приват-доцентов к чтению лекций» до того, как поступить на утверждение попечителя, решался сначала Университетским советом. Принятие же окончательного решения об оставлении при университете «стипендиатов для приготовления к профессорскому званию» прежний Устав относил к компетенции Совета, а не попечителя.

⁴⁰ 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2403. С. 459–460.

⁴¹ «1) Предположения о распределении университетских помещений под учебно-вспомогательные установления и об изменениях в сем распределении; 2) ходатайства о назначении студентам стипендий и единовременных пособий» (3-ПСЗРИ. Том 4. № 2403. С. 460).

⁴² Там же.

Сравнение круга полномочий Университетского совета, очерченного в новом Уставе (ст. 30), с компетенцией этого органа, закрепленной в Уставе 1863 года (§ 42), показывает, что он много потерял в своем значении в качестве института управления университетом. Профессор юридического факультета Московского университета А.С. Алексеев писал в 1901 году о статусе Университетского совета: «Не столько сужение компетенции Совета, сколько лишение его избранного из своей среды председателя отняли у этого органа способность правильно функционировать и обратили его в лишнее колесо мертвого административного механизма. Совет, во главе которого стало лицо, занявшее председательское кресло помимо него, перестал сознавать себя живой и солидарной коллегией. Толчок, направляющий его деятельность, выходил теперь не из его среды, а извне, и поэтому самая его деятельность стала для него чуждой и безразличной. Упразднение авторитета Совета, полный индифферентизм профессоров к тому, что делается Советом и в Совете, разобщенность профессорской коллегии — все это явилось естественным результатом того ложного положения, в которое поставил ректора Устав 1884 г. Не имея опоры в Университете, черпая свой авторитет извне, ректор поневоле чувствует себя изолированным и лишенным той поддержки, которая одна могла бы создать правильные между ним и его товарищами отношения, установить доверие и взаимное понимание между профессорской коллегией и университетской администрацией... Мы поэтому не сомневаемся, что лишь та реформа университета направит его жизнь на правильный путь, которая поставит во главе профессорской корпорации выборного из ее среды ректора»⁴³.

* * *

Общий устав императорских российских университетов 1884 года не изменил состава университета: как и прежде в нем выделялось четыре факультета: а) историко-филологический, б) физико-математический, в) юридический и г) медицинский.

Статья 57 данного Устава предписала иметь в юридическом факультете следующие кафедры: «1) Римское право; 2) гражданское

⁴³ Алексеев А. С. К вопросу об университетской реформе. записка, поданная в Совет императорского Московского университета. М., 1901. С. 10.

право и гражданское судопроизводство; 3) торговое право и торговое судопроизводство; 4) уголовное право и уголовное судопроизводство; 5) история русского права; 6) государственное право; 7) международное право; 8) полицейское право; 9) финансовое право; 10) церковное право; 11) политическая экономия и статистика; 12) энциклопедия права и история философии права»⁴⁴.

Согласно статье 60 Устава в юридическом факультете должно было преподавать одиннадцать ординарных и четыре экстраординарных профессора⁴⁵.

Сравнение приведенного перечня кафедр со списком кафедр юридического факультета по Университетскому уставу 1863 года показывает, что Устав 1884 года внес в программу преподавания юридических наук ряд изменений. В последнем не были предусмотрены указанные в прежнем уставе кафедры «истории важнейших иностранных законодательств, древних и новых» и «истории славянских законодательств». Следует, правда, учесть, что кафедра истории славянских законодательств после принятия Устава 1863 года в Московском университете никем замещалась, и соответственно данный предмет студентам юридического факультета не преподавался. А кафедра «истории важнейших иностранных законодательств, древних и новых», хотя и не предусматривалась по новому Общему уставу, в отличие от прежнего, но предмет под таким названием продолжал изучаться на юридическом факультете Московского университета. Об этом свидетельствуют расписания лекций. Так, в 1885/1886 учебном году данный курс преподавал ординарный профессор М.М. Ковалевский. Он же читал лекции по истории государственного права (государственное устройство и управление, история местного управления во Франции, Англии и Германии), а также проводил практические занятия по этой дисциплине, которые, правда, не считались обязательными для студентов. Кроме того, экстраординарный профессор Г.Е. Колоколов сообщал студентам в рамках курса уголовного судопроизводства сведения по «истории уголовно-судебного права у важнейших европейских народов», а приват-доцент А.К. Вульфферт давал студентам в курсе русского уго-

⁴⁴ 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2403. С. 464.

⁴⁵ Там же. С. 465.

ловного процесса знания об аналогичных нормах и процедурах в западноевропейском уголовно-процессуальном законодательстве.

Перечень кафедр юридического факультета открывался в Университетском уставе 1884 года кафедрой римского права. Это означало, что данной науке стало придаваться значение фундаментального предмета в системе преподавания на юридических факультетах. Как и прежде он делился на две части: историю и догму римского права. Для его преподавания требовалось иметь, следовательно, по два специалиста в каждом университете. С целью подготовки таких преподавателей министр народного просвещения граф И.Д. Делянов испросил 15 ноября 1886 года соизволение императора Александра III на учреждение, по соглашению с министром иностранных дел, при Берлинском университете института римского права с целью подготовки преподавателей римского права для российских университетов⁴⁶. В 1887 году Министерство народного просвещения командировало в этот институт 14 чел., выделив для них 18 000 руб. 14 мая 1890 года Государственный совет Российской империи принял решение ассигновать на содержание Института римского права при Берлинском университете с 1891 года по 10 000 руб. в год.

В своем представлении в Государственный совет с просьбой о выделении этой суммы министр И.Д. Делянов обосновывал необходимость принятия такого решения следующим образом: «Римское право везде донныне считается как бы всеобщей теорией права и служит основой образования для посвящающих себя судебному поприщу. Изучение сего предмета, при близком знакомстве с приемами и методами научной его разработки, может наиболее оживить и подвинуть вперед русскую юридическую науку. В виду сего римское право как в своей истории, так и в своей системе поставлено Министерством основным требованием испытания и заняло обширное место в преподавании в наших юридических факультетах»⁴⁷.

⁴⁶ О кредите на приготовление профессоров и учителей. 14 мая 1890 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 11. Царствование императора Александра III. 1889–90 гг. СПб., 1895. Стлб. 1450.

⁴⁷ Там же.

Любопытно, что графа И.Д. Делянова, умершего в декабре 1897 года, сменил на посту министра народного просвещения (12 февраля 1898 г.) Николай Павлович Боголепов, специалист в области римского права, автор «Учебника истории римского права», вышедшего первым изданием в 1895 году, а также ряда монографических работ, посвященных различным аспектам римской правовой культуры⁴⁸.

«Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» от 4 января 1864 года⁴⁹ установило семь разрядов магистров: гражданского права, уголовного права, государственного права, полицейского права, финансового права, международного права, политической экономии⁵⁰, то есть ученые степени были предусмотрены по всем почти кафедрам юридического факультета, за исключением кафедры римского права. 23 февраля 1891 года министр народного просвещения издал «Циркулярное предложение гг. попечителям учебных округов», в котором указал: «Принимая во внимание существенно-важное значение кафедры римского права для всего юридического образования и желая обеспечить возможно более основательно преподавание сего предмета, я признал необходимым установить степени магистра и доктора римского права.

Для получения степени магистра римского права лицо, ищущее оную, должно подвергнуться при факультете испытанию: по римскому праву (по истории и догме), как по главному предмету, а по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству, как по второстепенным предметам. Во всем остальном должны быть применены правила об испытаниях на ученые степени 1864 года»⁵¹.

Данная поправка в «Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» от 4 января 1864 года

⁴⁸ См. биографический очерк о Н.П. Боголепове в издании: *Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества.* В 2-х томах. М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 557–578.

⁴⁹ См. его текст в издании: *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения.* Том 3. 1850–1864. СПб., 1867. Стлб. 636–643.

⁵⁰ Таблица испытаний на степень магистра по юридическому факультету // *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения.* Том 3. 1850–1864. СПб., 1867. Штаты и приложения. С. 109.

⁵¹ Циркулярное предложение гг. попечителям учебных округов по вопросу о получении степени магистра по римскому праву // *ЖМНП.* 1891. Ч. 274. № 4. С. 44.

также свидетельствовала о том, что римскому праву было придано фундаментальное значение в системе российского юридического образования.

Еще одним нововведением Общего устава российских университетов 1884 года в учебную программу юридического факультета стала кафедра «торгового права и торгового судопроизводства». Лекции по торговому праву читались в некоторых российских университетах и до этого, но в рамках кафедры гражданского права. Так, в 1857–1858 годах преподавание данного предмета началось в Санкт-Петербургском университете⁵². В 1873–1874 учебном году курс торгового права читал в Новороссийском университете доцент, потом экстраординарный профессор П.П. Цитович⁵³. Устав Демидовского юридического лицея, высочайше утвержденный 25 декабря 1874 года, предусмотрел в программе преподавания кафедру гражданского судопроизводства и торгового права⁵⁴. Однако лекции по торговому праву начали читаться в этом учебном заведении только с 1876–1877 учебного года⁵⁵. В 1883 году кафедра торгового права была создана в императорском Училище правоведения. Университетский устав 1884 года ввел преподавание торгового права во всех российских университетах.

Помимо правовых наук будущим юристам надлежало преподавать, согласно новому Общему уставу, древнюю римскую историю, римские древности, новую европейскую историю, всеобщую историю, русскую историю, логику, богословие, судебную медицину, древние и современные иностранные языки.

Общий устав императорских российских университетов 1863 года был не вполне общим. Он не распространялся, например, на

⁵² См.: Торговое право: лекции М.М. Михайлова, читанные в Императорском С.-Петербургском университете. Вып. 1. СПб., 1857. — 52 стр. Вып. 2. СПб., 1860. — 63 стр. Вып. 3. СПб., 1861. — 44 стр.

⁵³ См.: Лекции по торговому праву, читанные в Императорском Новороссийском университете в 1873/74 учебном году э.о. профессором П. Цитовичем. Вып. 1. Одесса, 1873. С. 1–168. Вып. 2. Одесса, 1875. С. 169–376.

⁵⁴ См.: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М., 2013. С. 190.

⁵⁵ Распределение лекций в Демидовском юридическом лицее на вторую половину 1876–1877 учебного года показывает, что торговое право преподавалось студентам 4 курса.

Дерптский университет. Для него был разработан и 9 января 1865 года принят особый устав, предусматривавший преподавание юридических наук по шести кафедрам: «1) Римского права; 2) уголовного права; 3) русского права; 4 и 5) местного права, действующего в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, а также юридической практики; 6) государственного и народного прав»⁵⁶.

Такое различие в учебных программах юридических факультетов Дерптского университета, с одной стороны, и остальных российских университетов, с другой, создавало большие неудобства при формировании кадрового состава судебных органов. Поэтому готовясь к введению в прибалтийских губерниях судебных уставов 1864 года, правительство Российской империи решило распространить основные положения Университетского устава 1884 года и на юридический факультет Дерптского университета. 4 февраля 1889 года император Александр III повелел произвести следующие изменения в его устройстве: «1) одну из кафедр остзейского права (кафедру юридической практики) обратить в кафедру русского гражданского права и судопроизводства, сохранив другую кафедру для преподавания местного права; 2) кафедру русского права обратить в кафедру истории русского права; 3) преподавание по ныне существующей кафедре государственного и международного права ограничить преподаванием одного государственного права, возложив чтение лекций международного права на имеющегося при факультете доцента; 4) учредить одну новую кафедру полицейского права; 5) перевести кафедру политической экономии из историко-филологического факультета на юридический, соединив с нею преподавание статистики, и 6) ввести на юридическом факультете чтение лекций по энциклопедии и философии права, по церковному, финансовому и торговому праву. Для преподавания сих наук учредить при факультете пять доцентур»⁵⁷. При этом Александр III приказал назначать на вышеперечисленные кафедры «преподавателей из русских лиц или из лиц, обязавшихся читать лекции на

⁵⁶ Высочайше утвержденный устав Императорского Дерптского университета. 9 января 1865 г. // 2-ПСЗРИ. Том 40. № 41667. С. 21.

⁵⁷ Высочайшее повеление, объявленное министром народного просвещения, «Об изменении в устройстве юридического факультета Дерптского университета». 4 февраля 1889 г. // 3-ПСЗРИ. Том 9. № 5755. С. 53.

русском языке» и устанавливать им такие же оклады, какие имели в то время профессора российских императорских университетов (т.е. по 3 000 руб. для ординарных и по 2 000 руб. для экстраординарных профессоров в год). Профессорам же кафедр, которые существовали в Дерптском университете на основании Устава 1865 года, в случаях, когда они брались читать лекции на русском языке, государь повелел «назначать из специальных средств добавочное содержание к штатному, в размере по 600 руб. для ординарных и 300 руб. для экстраординарных»⁵⁸. Вознаграждение вышеуказанных пяти доцентов юридического факультета Дерптского университета было приравнено по своим источникам и размеру к вознаграждению приват-доцентов в российских императорских университетах, определенному Университетским уставом 1884 года.

Все перечисленные меры были введены в действие с началом 1889–1890 учебного года. Общий их смысл заключался, таким образом, не только в сближении устройства Дерптского университета с внутренней организацией типичного университета Российской империи, но и в замещении немецкого языка, являвшегося главным языком преподавания в Дерптском университете, на русский язык. Эта мера полностью соответствовала общему духу национальной политики императора Александра III, стремившегося создать в рамках Российской империи единое культурное поле и тем самым укрепить русскую государственность.

3

Принятый в 1884 году Общий устав императорских российских университетов был третьим по счету законодательным актом, носившим такое название, — после Общих уставов 1835 и 1863 годов. Если же учесть, что изданные в 1804 году Уставы императорских университетов — Московского, Харьковского и Казанского — представляли в основном своем содержании один и тот же документ в трех вариантах, отличавшихся один от другого лишь некоторыми незначительными особенностями, то Устав 1884 года можно признать уже четвертым законом комплексного характера, определявшим внутреннее устройство, учебную программу и основные направления деятельности российских университетов. Каждый из университетских

⁵⁸ Там же.

уставов, принимавшихся на протяжении 80 лет — с 1804 до 1884 год, представлялся поначалу вполне совершенным законодательным творением. Однако проходило какое-то время и в процессе применения его положений на практике обнаруживалось, что в своей внутренней организации Устав не свободен от недостатков, препятствующих нормальной университетской деятельности, а учебная программа, им предусмотренная, не соответствует, в силу различных причин, потребностям государства и общества.

Недостатки Общего устава императорских российских университетов 1884 года стали очевидными сразу, как только появился его проект. Разработанный в Министерстве народного просвещения, он подвергся суровой критике еще в процессе обсуждения в соединенных департаментах законов и государственной экономии, и в особенности в общем собрании Государственного совета⁵⁹. Но Министерство настояло на принятии Государственным советом своего проекта университетского устава и одобренный 23 августа 1884 года императором Александром III, он вступил в действие с началом 1884–1885 учебного года..

Закрепленная в нем модель государственного контроля за университетами предполагала заметную бюрократизацию управления этими учебными заведениями и соответственно существенное ограничение университетской автономии, признававшейся всеми прежними уставами российских университетов. Но для того, чтобы пагубность чрезмерно бюрократизированного порядка управления университетами была осознана правительством, должно было пройти время. Ведь, составители Общего устава 1884 года пошли на отказ от университетской автономии, предполагавшей большую долю самостоятельности советов университетов и факультетских собраний в решении различных вопросов университетской жизни, потому что усматривали в ней благодатную почву для возникновения среди преподавателей (а значит и студентов) оппозиционных по отношению к правительству настроений⁶⁰. «Он был прежде всего не

⁵⁹ Министр народного просвещения И.Д. Делянов внес данный проект в Государственный совет 30 ноября 1882 г. На заседании общего собрания Госсовета его обсуждение проходило 29 мая 1884 г.

⁶⁰ Министр И. Д. Делянов говорил при обсуждении проекта данного устава: «Корень зла заключается в том, что правительство совершенно устранило себя от

педагогической, а политической мерою»⁶¹, — характеризовал его профессор Московского университета П.Г. Виноградов.

В этих условиях только опыт университетской деятельности по Общему уставу 1884 года мог показать, что рост в российских университетах антиправительственных настроений, периодически выливающихся в массовые студенческие волнения, совсем не связан с университетской автономией, но происходит и при ее отсутствии.

Необходимость проведения в России новой университетской реформы стала особенно явной в последние годы XIX столетия, когда российские университеты охватила волна студенческих протестов. Особенно внушительными были студенческие волнения в Санкт-Петербурге в январе и феврале 1899 года. Ректор Санкт-Петербургского университета профессор В.И. Сергеевич предпринял ряд мер для восстановления порядка. 1 февраля в университетском здании было вывешено подписанное им заявление, в котором содержались предостережения в адрес тех молодых людей, кто не желал учиться и был настроен бунтовать по любому поводу, и приводились выписки из статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предусматривавших кары за нарушение общественного порядка. Студенты-бунтовщики разорвали текст указанного ректорского заявления и на своей сходке сговорились сорвать выступление ректора, которое должно было состояться через неделю в день юбилейного торжественного акта, посвященного 80-летию Санкт-Петербургского университета.

8 февраля, едва только профессор В.И. Сергеевич поднялся на трибуну для произнесения своей речи, студенты встали со своих мест и вышли из зала. Образовавшаяся во дворе университета толпа направилась с пением «Марсельезы» к Дворцовому мосту, чтобы

учебного дела в университетах и предоставило его личному произволу профессоров, столь же произвольному усмотрению факультетских собраний и университетского совета и существовавшему лишь на бумаге наблюдению ректора и деканов, которые, как выборные от профессоров должностные лица, никоим образом не могли наблюдать над их деятельностью с каким-либо начальническим авторитетом. Вследствие такого самоустранения правительства от учебного дела университетов один произвол, профессорский, неминуемо должен был вызвать другой произвол, студенческий» (Цит. по: *Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах / Вестник Европы. 1901. Кн. 10. С. 544*).

⁶¹ Там же. С. 540.

пройти на Невский проспект. Однако путь бунтующим студентам преградили крупные наряды конной полиции. Настойчивые попытки бунтовщиков прорваться к центру города другими путями заставили конную полицию применить для их успокоения нагайки. В результате несколько студентов получили увечья, более десятка их было арестовано.

Министр народного просвещения Н.П. Боголепов действовал решительно для пресечения студенческих беспорядков в университетах: увеличивал в них штаты инспекторов и помощников инспекторов, призванных наблюдать за поведением нерадивых студентов; поощрял организацию в учебных заведениях литературно-научных кружков, способных отвлечь студенческую молодежь от «вредных мыслей». Но все подобные шаги оказывались безрезультатными.

29 июля 1899 года император Николай II утвердил предложенный министром финансов С.Ю. Витте проект так называемых «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков». Согласно им, студенты подлежали «удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности» «за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к такому уклонению»⁶².

Либеральная интеллигенция сочла инициатором столь жесткой меры министра народного просвещения. Боголепов же в действительности только согласился с ней, справедливо полагая, что применение «Временных правил...» на практике будет по отношению к бунтующим студентам более гуманной мерой, нежели исключение их из университета без права повторного поступления в какое-либо высшее учебное заведение. Студенту, отбывшему воинскую повинность, не воспрещалось продолжать обучение в университете. В начале 1901 года Боголепов распорядился применить «Временные правила...» в отношении 183 студентов университета Святого

⁶² 3-ПСЗРИ. Том 19. № 17484. С. 935.

Владимира в Киеве. Это решение оказалось роковым не только для студентов, но и для министра народного просвещения.

14 февраля 1901 г. на Н.П. Боголепова было совершено покушение, в результате которого он через две недели скончался.

Откликаясь на это трагическое событие, газета «Московские ведомости» вопрошала: «Пост министра народного просвещения, до сих пор являвшийся местом самой мирной и спокойной государственной службы, стал боевым. Как объяснить себе эту странную аномалию?».

24 марта 1901 года на пост министра народного просвещения вместо погибшего профессора римского права был назначен генерал от инфантерии – ветеран Венгерской, Крымской и Балканской войн, кавалер почти всех боевых наград империи 78-летний П.С. Ванновский. В изданном на следующий день высочайшем рескрипте об этом назначении содержались слова, благословлявшие нового министра на проведение реформы системы образования. «Петр Семенович! – обращался государь к Ванновскому. – Правильное устройство народного образования составляло всегда одну из главных забот Русских Государей, твердо, но постепенно стремившихся к его усовершенствованию в соответствии с основными началами русской жизни и потребностями времени. Опыт последних лет указал, однако, на столь существенные недостатки нашего учебного строя, что Я признаю благовременным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению»⁶³.

Реформа учебного строя предполагала в первую очередь преобразование университетов, а значит разработку и принятие нового университетского устава. Профессор Московского университета П.Г. Виноградов писал по этому поводу: «Нельзя не признать национальным несчастьем, что до сих пор мы стоим перед “университетским вопросом”; что, несмотря на пять попыток в течение ста лет определить постановку высшего образования в стране, несмотря на уставы 1804 и 1835 года, изменения 1849, уставы 1863 и 1884 года, – опять становится необходимым пересмотр самых основ

⁶³ Высочайший рескрипт, данный на имя члена Государственного совета, генерал-адъютанта, генерала-от-инфантерии Ванновского // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Ч. 335. С. 3.

университетского быта. А между тем, от функционирования университета, как центрального просветительского органа, зависит жизненность всех остальных частей воспитательной системы страны: все общеобразовательные и специальные школы, все высшее, среднее и низшее преподавание, все профессии, поскольку они основаны на знании и умении, более или менее получают свое направление и жизненные импульсы от университета. Тревожная постановка университетского вопроса для общества — все равно, что диагноз порока сердца для больного. Длительные недуги и часто повторяющиеся кризисы обыкновенно объясняются не каким-либо одним злокозненным влиянием, а, как говорится, “целым рядом” условий. Нетрудно видеть, даже при самом беглом обзоре, что в нашем государстве и в нашем обществе есть многие укоренившиеся свойства, которые вносят противоречия в жизнь университетов и затрудняют в России, более нежели где-либо, удовлетворительное разрешение университетского вопроса»⁶⁴.

29 апреля 1901 года П.С. Ванновский, через попечителей учебных округов, предложил советам университетам высказать свои мнения о желательности внесения изменений в Университетский устав и кроме того ответить мотивированными заключениями на восемнадцать вопросов. Их содержание не оставляет сомнений в том, что новый министр народного просвещения планировал пересмотр действующего университетского устава и штатов.

Советы университетов отнеслись предельно серьезно к поставленным перед ними вопросам, и уже в октябре 1901 года прислали в Министерство народного просвещения довольно подробные ответы на них. Объединенные в систематический свод особой комиссией из четырех членов Совета министра они составили ценнейший материал для разработки нового Общего устава российских университетов.

Некоторые университетские советы не ограничились ответами на вопросы о том, какие изменения необходимо внести в действующий университетский устав, но представили целые доклады о недостатках Общего устава императорских российских университетов 1884 года.

⁶⁴ Виноградов П. Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Кн. 10. С. 537–538.

Так, Совет Харьковского университета, заметив, что считает своим долгом с полной откровенностью ответить на предложенные ему министром Ванновским вопросы, заявил, что прежде всего признает необходимым высказать свой взгляд на основную причину недостатков современного университетского строя и на тот основной принцип, на котором его следовало бы построить.

Давая оценку Общему уставу 1884 года, Совет Харьковского университета указал, что этот документ механически заимствовал в своем содержании многие черты строя немецких университетов, но при этом отказался закрепить их основу и сущность — академическую свободу. «Не имея у нас той исторической основы, какая у него была на Западе, он совершенно не привился к нам и, как всегда бывает в таких случаях, очень скоро сделался причиной застоя и регресса. Вместо живой деятельности при нем развился формализм и излишняя централизация: университеты превратились в канцелярии; деятельность советов была до такой степени сужена, что они своею властью не могли решить, напр. вопроса о перенесении профессорских лекций с одних часов на другие; лишенные права самопополнения, эти ученые коллегии сделались поневоле равнодушными к тому, что составляет живую душу университета; разобщенные друг с другом и со своими слушателями, лишенные доверия и связанного с ним самоуправления, профессора потеряли свой нравственный престиж в глазах молодежи и не могли уже оказывать того благотворного влияния, какое, при коллегиальном строе академической жизни, обыкновенно имеют наставники на своих питомцев»⁶⁵.

Еще одним существенным недостатком Устава 1884 года Совет Харьковского университета признал отсутствие в нем норм, которые могли позволить студентам хоть как-то самоорганизоваться для выражения собственных, чисто студенческих академических интересов. Вместо этого в Общем уставе 1884 года проводился взгляд на студентов как на отдельных посетителей университетских занятий, что создавало благоприятные условия для возобладания в студенческой среде радикально настроенных против правительства персон.

⁶⁵ Ответ Совета императорского Харьковского университета на вопросы, предложенные Министерством народного просвещения об изменении Устава 1884 года. Харьков, 1901. С. 2–3.

Благоразумная и умеренная часть студенчества, смотревшая на университет как на учебное заведение и научный центр, вынуждена была оставаться в стороне, поскольку не имела никаких законных форм для своего объединения.

В первом докладе комиссии, избранной Советом Университета Святого Владимира для разработки ответов на предложенные министром народного просвещения вопросы относительно устройства университетов, отмечалось, что практика показала «неудобство многих новых порядков, введенных в университетах Министерством на основании Устава 1884 г.»⁶⁶. В качестве примера таких нововведений были названы учебные планы, рекомендованные Министерством факультетам: по словам указанного доклада, они оказались «настолько односторонними и неудобноисполнимыми, что по отношению к факультетам филологическому и юридическому их понадобилось вскоре заменить новыми, выработанными уже в университетах»⁶⁷. Не выдержавшим проверки практикой оказался и введенный Министерством порядок, по которому студенты должны были сдавать экзамены разом за все четыре года обучения в университете: Министерство само признало такие экзамены непосильными и восстановило полукурсовые испытания, разделив их на две или три части.

Что же касается содержания вопросов Министра народного просвещения, то первый из них гласил: *«Как должны быть поставлены должности ректора и деканов? В частности, какие неудобства представляет ректор по назначению правительства и какие преимущества может иметь ректор, избираемый профессорскою коллегией?»*

Университетские советы высказались за восстановление выборности ректоров, деканов, профессоров и преподавателей. «Избрание ректора профессорскою коллегией, — заявлял Совет Харьковского университета в своем ответе на приведенный вопрос, — 1) вытекает из самого принципа коллегиального самоуправления, долженствующего быть основой университетского устройства; 2) наиболее соответствует

⁶⁶ Доклады комиссии, избранной Советом императорского Университета Св. Владимира для разработки ответов на вопросы, предложенные господином министром народного просвещения относительно устройства университетов. Киев, 1901. С. 11.

⁶⁷ Там же. С. 12.

нормальным условиям университетской жизни; 3) согласуется с исторической традицией. Только выборный ректор может быть представителем живой и сильной коллегии. Ректор же назначенный, в глазах общества, профессоров и студентов, явится не авторитетным представителем науки и ученой профессорской коллегии, а лицом как бы чуждым остальному профессорскому персоналу, естественным результатом чего могут явиться коллизии между ним и остальной коллегией. Назначенный ректор не может иметь той нравственной опоры в не избравшей его профессорской коллегии, которая необходима для надлежащего влияния на студентов, и вообще он будет лишен того высокого нравственного престижа, каким пользовался бы выборный ректор»⁶⁸.

Подобный мотив превалировал и при решении вопроса о восстановлении выборности профессоров.

Университетский устав 1884 года предусмотрел в статье 99, что профессором может быть только преподаватель, имеющий степень доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре, и доказавший способность к преподавательской деятельности чтением лекций в продолжении не менее трех лет в звании приват-доцента университета, установил в статье 100 следующий порядок замещения этой должности: «При открывшейся вакансии профессора министр народного просвещения или замещает ее по собственному усмотрению лицом, удовлетворяющим указанным в статье 99 условиям, или предоставляет университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утверждение»⁶⁹.

В докладе комиссии, избранной Советом Харьковского университета для ответа на вопросы, предложенные министром народного просвещения, отмечалось: «Устав 1884 г. имел в виду ограничить, сколь возможно более, влияние и независимость профессорской коллегии, и эта цель была достигнута вполне, но крайне дорогой ценой — ценой падения престижа профессоров и университетов. Одна из необходимейших реформ в университетском строе, по мнению комиссии, должна заключаться в поднятии научного и нравственного авторитета профессорской коллегии.

⁶⁸ Ответ Совета императорского Харьковского университета. С. 14–15.

⁶⁹ 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 468.

Средство для этого — восстановить *выборную систему*»⁷⁰.

В Санкт-Петербургском университете не ограничились заявлением о необходимости восстановления выборности ректора и декана в том порядке, в котором это было предусмотрено Общим уставом 1863 года, но предложили проекты соответствующих статей для введения их в университетский устав: «1) Ректор избирается советом на четыре года из ординарных, включая и заслуженных ординарных, профессоров университета и утверждается в сем звании высочайшим приказом. По истечении четырехлетия ректор может быть вновь избран на эту должность. 2) Деканы избираются в собраниях своих факультетов на три года из ординарных, включая и заслуженных ординарных, профессоров, а если в факультете таких менее трех, то и из экстраординарных, и утверждаются министром народного просвещения... По истечении трехлетия прежний декан может быть опять переизбран на ту же должность»⁷¹.

Обсуждение в университетах вопроса о статусе ректора, декана и профессора не сводилось к полному отрицанию норм Университетского устава 1884 года, определявших данный статус, и к требованию восстановить соответствующие параграфы Общего устава российских университетов 1863 года. Профессор юридического факультета Московского университета А. С. Алексеев предлагал в своей записке об университетской реформе предусмотреть специальные меры, предотвращающие превращение ректора в администратора по преимуществу. «Избрание ректора, — отмечал он, — не является, однако еще достаточной гарантией правильной постановки этой должности. Другим важным условием является избрание ректора на короткий срок, не превышающий двух лет, при чем должно быть постановлено, что его вторичное избрание может состояться не раньше как по истечении шести лет. Профессор, избранный ректором, должен оставаться профессором, не только по имени, но и по существу, а не

⁷⁰ Доклад комиссии, избранной Советом императорского Харьковского университета для ответа на вопросы, предложенные Министерством народного просвещения об изменении Устава 1884 года. Харьков, 1901. С. 14.

⁷¹ Доклад комиссии, назначенной Советом императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные министром народного просвещения об изменениях в уставе и правилах университетов. СПб., 1901. С. 6.

превращаться в администратора, уходящего всеми своими вкусами и интересами в управление университетскими делами; между тем ректор, избираемый на продолжительный срок, естественно отвлекается от своей преподавательской и научной деятельности. Он поневоле все более и более втягивается в интересы иного порядка, все более и более входит во вкус власти, и обращается, наконец, в администратора *par excellence*, в котором трудно распознать профессора. А чем более ректор становится администратором и чем менее в нем чувствуется профессор, тем более удаляется он от профессорской корпорации и тем более ослабевает его связь с избравшим его советом»⁷².

Высказанное профессором А. С. Алексеевым мнение о желательном преобразовании статуса ректора университета можно было отнести и к должности декана факультета. Им предполагалось, что и декан должен оставаться профессором «не только по имени, но и по существу».

Что же касается избрания профессоров, то Александр Семенович полагал целесообразным сохранить правила Устава 1884 года. «Порядок избрания профессоров, как он определяется Уставом 1863 г., нуждается, по нашему мнению, в существенных коррективах, — отмечал А.С. Алексеев. — Он, как известно, в общих чертах заключался в том, что при открытии вакансии профессора соответствующий факультет избирал кандидата, который затем баллотировался в Совет и утверждался министром (§ 70). При таком порядке избрания вакантные кафедры замещались кандидатами факультета; а это были в большинстве случаев молодые люди, чуть ли не главная заслуга которых заключалась в том, что они были оставлены при университете данным факультетом и облюбованы им. Они нередко загораживали путь выдающимся ученым, которые не принадлежали к факультету и не имели связей с его влиятельными членами. Этим путем образовался тот порядок самопополнения факультетов, который из этих факультетов делал замкнутые кружки, не допускавшие в свою среду “иноземцев”, какими бы учеными заслугами и преподавательскими способностями они ни обладали. И

⁷² Алексеев А. С. К вопросу об университетской реформе. записка, поданная в Совет императорского Московского университета. М., 1901. С. 11.

жалкий состав некоторых факультетов объясняется между прочим этой “боязнью иноземцев” и тем упрямством, с которым они отклоняют всякого пришлого кандидата и скорее мирятся с пустыми кафедрами и плохими преподавателями, чем необходимостью пригласить выдающегося ученого, не принадлежащего к их кружку и могущего нарушить факультетскую идиллию. Мы поэтому безусловно предпочитаем тот порядок избрания профессоров Советом, который указан как один из способов замещения вакантных кафедр Уставом 1884 г. в § 100 и 101 и в силу которого избранию профессора Советом должен предшествовать конкурс. Такой конкурс предупредит несимпатичные явления, только что нами указанные, и расширит круг лиц, из которых Совет будет избирать достойнейшего»⁷³.

Некоторые участники дискуссии по вопросам, предложенным министром народного просвещения, не согласились с мнением о необходимости восстановления выборности ректоров. Так, экстраординарный профессор математики Юрьевского университета П.П. Граве напечатал свои ответы на указанные вопросы в отдельной брошюре, в которой выступил за сохранение порядка замещения ректорской должности, предусмотренного в Общем уставе 1884 года. Обосновывая свою позицию, он написал: «К сожалению, замечаемое в последнее время среди большинства лиц университетского персонала грустное явление, заключающееся в заражении совсем не соответствующим современному политическому состоянию международных отношений модным космополитизмом, заставляет опасаться несомненного перевеса голосов той партии, кандидатом которой может явиться лицо с нежелательным для государственного дела образом мыслей. В силу этого является более целесообразным назначение ректора правительством, который, будучи обязан своим избранием только ему, можно надеяться, будет проводить в университетскую жизнь и следовать полученным им от Высшей власти, согласным с духом государства, предписаниям. Выгоды того и другого способа выбора является возможным в данном случае соединить, предоставляя на избрание профессорской коллегии тех или других, из намеченных правительством, кандидатов из числа лиц

⁷³ Алексеев А. С. К вопросу об университетской реформе. записка, поданная в Совет императорского Московского университета. М., 1901. С. 15.

местного университетского персонала, известных ему за людей государственного образа мыслей»⁷⁴.

4

Вопрос о выборности ректора и декана был ключевым при подготовке университетской реформы, инициированной министром народного просвещения П.С. Ванновским. Но столь же значимым являлся и заданный им для обсуждения университетскими советами вопрос: *«Какие изменения желательны в распределениях предметов ведомства факультетов, правления и совета?»* Под ним подразумевалась самая важная проблема в устройстве и деятельности университетов, а именно: проблема университетской автономии и компетенции органов, осуществляющих ее.

Среди этих органов главная роль отводилась университетскому Совету. В записке комиссии Варшавского университета, созданной для обсуждения вопросов министра народного просвещения, значение Совета увязывалось с сущностью такого явления, как университет. *«Слишком часто забывают у нас о том, что университеты имеют громадное государственное и общественное значение и вне сферы педагогической, — говорилось в данной записке. — Университет вызывает вокруг себя культурную работу, около него группируются самые разнообразные ученые общества, оказывающие немалые услуги в изучении страны во всех отношениях, ему принадлежит инициатива в разных научных предприятиях, он поднимает вокруг себя умственный уровень населения, к нему обращаются постоянно правительственные и общественные органы за научными указаниями и содействием в самых разнообразных случаях... Но университеты могут выполнять свою высокую культурную миссию лишь только при условии пользования широкой автономией в деле их внутренней жизни и управления. При полном самоуправлении возможно только для профессорской коллегии поставить преподавание на должную высоту и обставить его надлежащим образом. Главным органом такого нормально поставленного университета должен естественно являться совет, направляющий и ведающий все дела этого*

⁷⁴ Мнения профессора П. Граве по вопросам, предложенным господином министром народного просвещения, относительно желательного устройства университетов. Юрьев, [1901]. С. 1-2.

учреждения. Чрез совет должны проходить, как все научно-учебные вопросы, так и хозяйственные, потому что университет живет одною общею жизнью, и то, что происходит в одной из частей этого огромного организма, не может никаким образом остаться без влияния на другие части. Таким образом, душою университетской организации является совет»⁷⁵.

В условиях университетской автономии Совет неизбежно становился органом определяющим содержание и характер всей жизни университета. Функции, которые возлагались на Совет, ставили его в совершенно исключительное положение: он должен был контролировать всю научную деятельность и учебный процесс в университете, осуществлять общий надзор за студенчеством, избирать ректора, декана, профессоров, должностных лиц правления, принимать решения, касающиеся всех основных сторон существования университетской корпорации. Неудивительно, что среди участников обсуждения вопросов новой университетской реформы возникали опасения, не станет ли Совет при таком своем положении преследовать узкие, эгоистические интересы своих членов, будут ли обеспечены общие интересы учебного заведения. В записке комиссии по пересмотру Общего устава российских университетов, учрежденной в 1901 года в Варшавском университете, в ответ на эти опасения говорилось: «С одной стороны, деятельность совета гласная и не охраняется никакими канцелярскими тайнами, а потому университету придется считаться даже с общественным мнением, а, с другой стороны, всякие недочеты и уклонения будут заметнее и яснее лицам, которые близко стоят к одному общему делу. Невозможно допустить, чтобы вся профессорская коллегия поголовно могла относиться равнодушно к задачам, которые одинаково касаются всех»⁷⁶. Главным условием успешного выполнения Советом своих задач в указанной записке называлось «строгое распространение избирательного принципа на все ступени университетской

⁷⁵ Записка Комиссии [по пересмотру устава Варшавского университета]. Варшава, 1901. С. 33.

⁷⁶ Там же. С. 34.

иерархии», позволяющее «иметь вполне подготовленных и соответствующих занимаемым местам работников»⁷⁷.

В императорском Санкт-Петербургском университете при обсуждении вопроса о том, какие изменения желательны в распределениях предметов ведомства факультетов, правления и совета, пришли к выводу о том, что самым желательным было бы распределить их в полном соответствии с Университетским уставом 1863 года»⁷⁸.

В императорском Университете Св. Владимира на вопрос о распределении «предметов ведомства факультетов, правления и совета» был дан следующий ответ: «Исходя из положения, что Совет, как состоящий из всех профессоров, должен представлять центр университетского управления и придавать Университету, несмотря на его распадение на несколько коллегий, известное единство, легко придти к заключению, что в Совете должно быть сосредоточено решение всех дел, имеющих принципиальное значение; тогда все текущие дела, решаемые по принципам, правилам и инструкциям, выработанным в Совете, легко могут быть предоставлены ведению других органов университетского управления. С этой точки зрения, в учебном и ученом отношении, факультеты, как состоящие из профессоров и преподавателей по той или иной группе наук, конечно, должны пользоваться значительною долей самостоятельности, более широкою, чем какая была им предоставлена, не только по уставу 1863 г., но даже и по уставу 1884 г.»⁷⁹.

В императорском Казанском университете к решению вышеуказанного вопроса подошли более конкретно. Высказавшись за восстановление университетской автономии, его Совет предложил распределить предметы ведения факультета и университета таким образом, чтобы в круг деятельности факультетов вошли «выборы

⁷⁷ Там же. С. 35.

⁷⁸ Доклад комиссии, назначенной Советом императорского С.-Петербургского университета для составления проекта ответов на вопросы, предложенные г. министром народного просвещения об изменениях в уставе и правилах университетов. СПб., 1901. С. 9.

⁷⁹ Доклады Комиссии, избранной Советом императорского Университета Св. Владимира для разработки ответов на вопросы, предложенные г-ном министром народного просвещения относительно устройства университетов. Киев, 1901. С. 17.

деканов и членов хозяйственного комитета», «ходатайства об открытии публичных курсов и лекций». К ведению же университетского Совета он счел необходимым причислить, «ввиду желательного восстановления автономного строя университета», «выборы ректора, проректора, членов университетского суда, выборы деканов и членов хозяйственного комитета, если факультетские выборы оказались безуспешными, обсуждение заявлений о необходимости устранить из Коллегии членов, позорящих ее своим поведением; окончательное разрешение публичных курсов и лекций; составление инструкции проректору, правил, определяющих поведение студентов, порядок и круг деятельности студенческих собраний»⁸⁰.

Совет императорского Харьковского университета также выступил за восстановление университетской автономии, указав в своем ответе на вопрос министра народного просвещения о желательных изменениях «в распределениях предметов ведомства факультетов, правления и совета», что «желательно усиление власти Совета, поднятие научного значения факультетов», что «необходимо сделать Совет средоточием внутреннего университетского управления, высшею его инстанцией, действительною реальною властью, которой должны подчиниться другие органы университетского управления: правление, поставленное Уставом 1884 года и практикой, по важнейшим его функциям финансовой администрации и в отношении учащихся, в совершенно независимое положение, факультетские собрания, университетский суд и товарищ ректора»⁸¹.

Помимо вопросов о ректоре, декане, распределении предметов ведения факультетов, правления и совета, П.С. Ванновский направил для обсуждения в Советах университетов целую серию вопросов, которые касались конкретных сторон университетской жизни, а именно: заработной платы преподавателей, статуса приват-доцентов,

⁸⁰ Ответы Совета императорского Казанского университета на предложенные господином министром народного просвещения вопросы, касающиеся устройства университетов. Казань, 1901. С. 4.

⁸¹ Ответ Совета императорского Харьковского университета на вопросы, предложенные Министерством народного просвещения об изменении Устава 1884 года. Харьков, 1901. С. 30, 33.

мер «для правильного и успешного приготовления молодых людей к профессорскому званию», способов привлечения студентов «к более усердным, чем ныне, занятиям» и повышения уровня получаемого ими университетского образования.

Содержание последних трех вопросов министра народного просвещения раскрывало главный мотив, побудивший правительство приступить к новой университетской реформе. П.С. Ванновский спрашивал университетские советы: «Какие меры желательны для сближения профессоров и студентов и для усиления воспитательного влияния первых на последних?»; «не следует ли допустить студенческие организации и собрания студентов для обсуждения студенческих дел? Если следует, то какие и на каких условиях?»; «не следует ли восстановить университетский суд по делам о проступках студентов?» Из этих вопросов было очевидно, что правительство пошло на переустройство университетов из-за студенческих волнений, которые с конца XIX века становились все более частым явлением в России.

Истоки этих волнений таились, конечно, в состоянии русского общества, но нельзя было не заметить, что их провоцировала и внутренняя организация российских университетов в том виде, в котором она была закреплена Университетским уставом 1884 года.

Любопытно, что вводилась эта организация с целью устранить причины студенческих волнений. К началу же XX века оказалось, что она стала действовать в прямо противоположном направлении, чем было задумано, т. е. не сдерживала студенческое движение, а напротив — способствовала его активизации. Профессор юридического факультета Московского университета А.С. Алексеев писал по этому поводу в своей записке об университетской реформе: «Обращаясь теперь к причинам студенческих волнений, лежащих в самом строе университета, мы должны прежде всего отметить тот факт, что эти беспорядки за последние пятнадцать лет получили особенно острый характер. Этот факт нельзя не привести в связь с тем режимом, который установился в университет за этот именно период времени. Этот режим можно охарактеризовать немногими словами: он весь проникнут глубоким недоверием к студенту и к профессору. Как введение у нас классической школы было внушено не педаго-

гическими соображениями, а политическими тенденциями, как она должна была явиться прежде всего орудием борьбы против “вредного лжемудрствования”, так и Устав 1884 года был Уставом воинствующим, долженствовавшим побороть и вырвать с корнем “вольнодумство” учащих и учащихся. Дабы зловредный дух профессоров не мог проникнуть в университетскую администрацию, профессора были устранены от управления, совет лишен своих полномочий, выборные ректор и деканы устранены, профессорская корпорация упразднена. А с целью оберечь студентов от пагубного влияния их учителей, они были изъяты из их ведения, выборный проректор заменен инспектором, назначаемым министерством и подчиненным непосредственно попечителю»⁸².

Задавая университетским советам вопрос о том, как усилить воспитательное влияние профессоров на студентов, министр народного просвещения показывал тем самым, что правительство признало пагубность запрограммированной Уставом 1884 года модели взаимоотношений между профессорами и студентами. В своих ответах на этот вопрос университетские советы предлагали новую их модель. Так, Совет Харьковского университета высказал следующее мнение: «Единственной мерою может служить восстановление доверия к профессорам со стороны правительства и поднятие их значения в университетском самоуправлении; никакие же искусственные и частичные меры не приведут к цели. Автономия, способствуя развитию науки в университете, тем самым поднимет и нравственное воздействие профессоров, ибо влиять на своих слушателей профессоры могут только на почве более широкого и свободного научного общения»⁸³.

Что же касается разрешения создавать в университетах студенческие организации, то Совет Харьковского университета дал на этот вопрос утвердительный ответ и подробно его обосновал, отметив, в частности, что «русская молодежь, как и всякая другая, очень чувствительна к явной несправедливости, легко реагирует на всевозможные явления общественной и государственной жизни, даже

⁸² Алексеев А. С. К вопросу об университетской реформе. Записка, поданная в Совет императорского Московского университета. М., 1901. С. 9.

⁸³ Ответ Совета императорского Харьковского университета. С. 95.

на поступки и действия отдельных лиц и потому легко и сильно возбуждается. Легальные студенческие организации едва ли переделают самый характер нашей молодежи и едва ли заставят ее совершенно спокойно относиться к подобным явлениям. Но они могут усиливать средние, умеренные ее элементы на счет крайних, освобождать более благоразумное и спокойное большинство от насилия возбужденного меньшинства и, следовательно, будут содействовать более спокойному разрешению разных инцидентов и эксцессов»⁸⁴.

Совет Университета Св. Владимира, задавшись вопросом, «что лучше, с точки зрения порядка и спокойного течения университетской жизни, оставить ли существующее теперь запрещение всякой коллективной деятельности студентов и иметь дело с нелегальными сходками и с нелегальными студенческими организациями, или же признать законность коллективных студенческих потребностей, стараясь урегулировать их удовлетворение и направить их в надлежащее русло?», уверенно ответил в пользу второго пути. Он посчитал необходимым признать за студентами «права коллективных действий», полагая, что это «сделает их в общей массе более спокойными и не в такой степени поддающимися влиянию посторонней агитации, в какой это имеет место в настоящее время»⁸⁵.

Советы всех университетов выступили за восстановление университетского суда по делам о проступках студентов⁸⁶. В результате 24 августа 1902 года были изданы «Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях министерства народного просвещения». Данный законодательный акт предоставил Советам университетов и других высших учебных заведений право избирать ежегодно из числа своих профессоров пятерых судей и столько же кандидатов в судьи. При этом, по крайней мере, один из них должен был принадлежать к юридическому

⁸⁴ Там же. С. 102.

⁸⁵ Доклады Комиссии, избранной Советом императорского Университета Св. Владимира. С. 99.

⁸⁶ Ответ Совета императорского Харьковского университета. С. 104; Ответы Совета императорского Казанского университета. С. 25; Доклад комиссии, назначенной Советом императорского С.-Петербургского университета. С. 47–48.

факультету (там, где таковой имелся). Избранные в судьи и кандидатами в судьи лица утверждались попечителем соответствующего учебного округа. Один из судей становился, по назначению Совета, председателем, другой – секретарем.

Статья 4 указанных «Временных правил» устанавливал, что «ведению суда подлежат передаваемые ему ректором (директором) дела касательно учащихся; 1) о нарушении ими в зданиях или учреждениях учебного заведения порядка, особыми правилами каждого из них установленного; 2) о столкновениях между учащимися, с одной стороны, и преподавателями или должностными лицами учебного заведения, с другой, хотя бы столкновения эти произошли вне зданий и учреждений учебного заведения и 3) о таких проступках учащихся, которые хотя бы и не были предусмотрены общими законами, но имеют предосудительный, противный правилам чести и нравственности характер»⁸⁷.

Приведенные нормы воспроизводили почти дословно содержание § 56–58 Общего устава российских университетов 1863 года, посвященных университетскому суду. Правда, последний состоял из трех судей и ему подсудны были только дела, предусмотренные в первых двух пунктах статьи 4. Добавив к ним дела о «предосудительных, противных правилам чести и нравственности», «Временные правила» учли предложения ряда университетских советов. Так, Совет Университета Св. Владимира, выступив за расширение компетенции профессорского суда, указал в своем докладе, что «мыслимы такие проступки, которые с точки зрения общего закона и не вызывают преследования, но тем не менее виновный в таком проступке представляется неудобным и нежелательным членом студенческого общества. Университетский суд должен стоять на страже чистоты нравов и порядочности студенческого общества»⁸⁸.

11 апреля 1902 года вместо П.С. Ванновского управлять Министерством народного просвещения был назначен Григорий Эдуар-

⁸⁷ Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях министерства народного просвещения (высочайше утверждены 24 августа 1902 года). Харьков, 1902. С. 2.

⁸⁸ Доклады Комиссии, избранной Советом императорского Университета Св. Владимира. С. 108.

дович Зенгер (1853–1919)⁸⁹. Дальнейшая работа по подготовке университетской реформы проходила под его руководством.

18 мая 1902 года император Николай II учредил комиссию по преобразованию высших учебных заведений, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. В нее вошли представители различных министерств и ведомств, профессора университетов и других высших учебных заведений. Выступая на первом заседании данной комиссии, состоявшемся 30 сентября того же года, ее председатель Г.Э. Зенгер сказал, что Министерство народного просвещения не вносит на рассмотрение каких-либо определенных проектов новых уставов и новых штатов для отдельных категорий высших учебных заведений, в видах последовательного обсуждения каждого параграфа того или другого проекта, а обращается в комиссию с просьбой высказаться по тем основным вопросам, та или другая постановка которых естественно и должна определить редакцию подлежащих затем проектированию уставов»⁹⁰.

Кроме того, управляющий Министерством народного просвещения сообщил членам комиссии, что важнейшей обязанностью возглавляемого им ведомства, объявленной в высочайшем рескрипте, изданном 10 июня 1902 года, является разработка проектов преобразования высших учебных заведений, что это поручение государя означает признание верховной властью неудовлетворительным нынешнего строя высших учебных заведений. При этом Зингер заверил, что Министерство народного просвещения далеко от мысли, что исцеление всех недугов, от которых страдает российская высшая школа, «может быть достигнуто путем регламентации». «Не от буквы уставов зависит плодотворная деятельность учреждений, — сказал он далее. — Применение всякого закона выпадает на долю живых людей, и только при соответствии оживляющего их духа требованиям закона эти последние являются целесообразными. Но отсюда же и следует, что всякие новые законодательные предположения должны считаться со взглядами и настроением тех общественных деятелей, на которых

⁸⁹ 6 апреля 1903 г. управляющий Министерством народного просвещения Г. Э. Зенгер был назначен на пост министра.

⁹⁰ Комиссия по преобразованию высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. № 11. С. 17–18.

государство возлагает непосредственное выполнение закона»⁹¹. Это было программное по своему содержанию заявление: оно выражало отход Министерства народного просвещения от бюрократической политики управления университетами, проводившейся в течение последних двадцати лет. Наиболее отчетливо эта политика проявилась в процедуре принятия Университетского устава 1884 года. Он был проведен через Государственный совет и получил силу закона, несмотря на мощную критику его положений со стороны профессорских коллективов. Теперь же управляющий Министерством заявлял, что проект нового устава будет разрабатываться с учетом мнений профессоров. Это означало, что Министерство народного просвещения возвращалось к той политике, которую исповедовало при разработке проекта Общего устава российских университетов 1863 года: этот процесс происходил, как известно, при участии всех профессоров России и целого ряда авторитетных преподавателей западноевропейских университетов⁹².

Созданная на основании высочайшего рескрипта от 18 мая 1902 года комиссия по преобразованию высших учебных заведений призвана была в первую очередь рассмотреть сведенные воедино ответы университетских советов на вопросы о желательных способах переустройства университетов, заданных П.С. Ванновским. Подобным образом велась работа с мнениями профессоров по различным аспектам университетской реформы осенью 1862 года. Однако тогда обсуждался текст проекта нового университетского устава. Сейчас же на рассмотрение профессоров были вынесены всего лишь вопросы относительно преобразования тех или иных сторон университетской организации. И поскольку проект нового устава отсутствовал, то наиболее распространенным ответом на них было предложение восстановить соответствующие нормы Общего устава российских университетов 1863 года. Управляющий Министерством Г.Э. Зингер воспринял их как негативную реакцию на Общий устав, который заменил его. В своей речи на первом заседании комиссии по преобразованию высших учебных заведений он сказал в связи с этим

⁹¹ Там же. С. 18.

⁹² См.: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). М., 2013. С. 11–67.

следующее: «Опыт последних 18 лет показал, что Университетский устав 1884 года во многом существенном не согласуется с убеждениями тех самых академических органов, которым поручено практическое проведение этого устава. Последствия такого разлада повели, с одной стороны, к целому ряду фактических отступлений от закона, — отступлений, допущенных отчасти даже весьма скоро после издания устава, с другой же стороны, к тому, что, подчиняясь указаниям устава, которым они не могли сочувствовать как по теоретическим соображениям, так и в силу своих ежедневных наблюдений над ходом жизни в университетах, советы, факультетские собрания и вообще члены профессорских корпораций не признавали себя ответственными за все те неудовлетворительные результаты или тяжкие явления академической практики, в которых усматривали связь с особенностями устава. Неудивительно поэтому, что со стороны университетских советов получились на запрос министерства во многом сходные между собою ответы относительно нежелательности сохранения и на будущее время в силе некоторых из положений Устава 1884 года, действующих донныне»⁹³.

Не имея в своем распоряжении цельного проекта нового университетского устава, комиссия по преобразованию высших учебных заведений вынуждена была заняться обсуждением отдельных частей университетской организации.

На заседании комиссии, которое проходило 24 октября 1902 года, был рассмотрен проект нового состава юридического факультета, предполагавший преподавание юридических наук по пятнадцати кафедрам: 1) римское право; 2) гражданское право и гражданское судопроизводство; 3) торговое право и судопроизводство с включением вексельного и морского права; 4) уголовное право и судопроизводство; 5) история русского права; 6) русское государственное право; 7) государственное право важнейших иностранных держав; 8) международное право; 9) административное право и административная политика; 10) финансовое право; 11) церковное право; 12) политическая экономия; 13) статистика; 14) история философии права;

⁹³ Комиссия по преобразованию высших учебных заведений. С. 18–19.

15) энциклопедия права⁹⁴. При этом признавалось желательным преподавать студентам юридического факультета, помимо указанных предметов, еще и сравнительную историю права, историю славянских законодательств, международное частное право, а также местное право, действующее в том регионе, в котором существует университет.

5

10 апреля 1904 года управляющим Министерством народного просвещения был назначен генерал-лейтенант Владимир Гаврилович Глазов (1848–1920), занимавший до этого пост начальника Николаевской Академии Генерального штаба. 1 августа того же года он стал министром⁹⁵. 7 августа им был созван съезд попечителей учебных округов. Во время его заседаний, продолжавшихся до 17 августа, были выработаны основные параметры проекта нового университетского устава. В начале 1905 года его текст был разослан по российским университетам для обсуждения профессорами. Университетские советы в большинстве своем негативно оценили этот проект, что заставило нового министра народного просвещения отказаться от него.

Тем временем общественная обстановка в России накалялась — страна вползала в революцию. Расстрел народной демонстрации у Зимнего дворца 9 января 1905 года возмутил русское общество. По университетам покатила волна антиправительственных митингов. С конца января университетские советы стали один за другим принимать постановления о прекращении занятий. Правительство поддержало их, приняв решение о приостановке занятий до 1 сентября текущего года.

В конце марта в Санкт-Петербурге самостоятельно, не спрашивая разрешения правительства, собрался первый съезд профессоров. Он выступил с требованием проведения коренной реформы государственного строя для обеспечения участия народных представителей в осуществлении государственной власти, высказав при этом мнение,

⁹⁴ Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. В 5-ти томах. Том 1. СПб., 1903. С. 110–117.

⁹⁵ См.: *Шолов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 165.

что «только народное представительство будет иметь должный авторитет для коренного переустройства высших учебных заведений»⁹⁶. Одновременно съезд призвал правительство «предоставить советам надлежащие полномочия для самостоятельного управления учебными заведениями, с выборным ректором (или директором) во главе»⁹⁷.

4 июня 1905 года император Николай II утвердил всеподданнейший доклад министра народного просвещения, в котором было предложено создать для разработки нового университетского устава правительственную комиссию с участием, помимо чиновников различных подразделений министерства народного просвещения, ряда попечителей учебных округов, ректоров и профессоров университетов. Заседания данной комиссии начались с 10 июня. И на первых же из них было признано необходимым восстановить выборность ректоров и деканов, не дожидаясь принятия нового Общего устава российских университетов.

27 августа 1905 года Именным высочайшим указом, данным Сенату, были введены в действия «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения»⁹⁸. Они состояли всего из трех параграфов, которые, не отменяя действия Общего устава императорских российских университетов 1884 года, вносили в него поправки в статьи о полномочиях университетского совета и факультетского собрания, касавшиеся ректоров, их помощников, деканов и секретарей факультетов, а также дополняли его нормами «о поддержании правильного хода учебной жизни в университете». Вместе с тем содержание преамбулы данного императорского указа не оставляло сомнений в том, что правительство было решительно настроено разработать новый университетский устав. В ней подчеркивалось, что «Временные правила» будут иметь юридическую силу лишь «до

⁹⁶ Цит. по: Университеты и другие высшие школы в 1902–1906 гг. // Энциклопедический словарь. Дополнительный том. II. Пруссия–Фома. Россия / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1907. С. 799.

⁹⁷ Цит. по: Там же.

⁹⁸ Именной высочайший указ, данный Сенату, «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». 27 августа 1905 года // 3-ПСЗРИ. Том 25. № 26692. С. 658–659.

введения в законодательном порядке новых уставов высших учебных заведений Министерства народного просвещения»⁹⁹. Предусмотренные этими «Правилами» поправки и дополнения в Университетский устав 1884 года распространялись не только на университеты, но и на Демидовский юридический лицей, ветеринарные и технологические институты, Московское техническое училище и Ново-Александрьевский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Первый параграф «Временных правил» устанавливал, что «в университетах Совету и факультетам предоставляется избирать: первому — ректора и его помощника, где таковая должность установлена законом, вторым — деканов и секретарей факультетов. Ректор и его помощник избираются из числа ординарных профессоров, деканы и секретари — из всех профессоров соответственного факультета. Избранные Советом и факультетами лица представляются в установленном порядке на утверждение».

В примечании к данному параграфу было отмечено, что «выборы вышеозначенных должностных лиц должны быть произведены в нынешнем же учебном году, перед началом учебных занятий», т.е. до 1 сентября 1905 года.

Вторым параграфом «Временных правил» «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университете» возлагались «на обязанность и ответственность Совета». Ему предоставлялось право принимать соответственные меры, действуя в полном своем составе или посредством избранной для этой цели комиссии. В тех случаях, когда, «несмотря на принятые Советом меры, в университете произойдут нарушающие правильное течение академической жизни беспорядки», Совету предоставлялось право ходатайствовать о полном или частичном «приостановлении занятий на более или менее продолжительный срок»¹⁰⁰.

Последний пункт второго параграфа предписывал вести разбирательство по студенческим делам профессорскому суду, опираясь на высочайше утвержденные 24 августа 1902 года «Временные правила о

⁹⁹ Там же. С. 658.

¹⁰⁰ Там же. С. 659.

профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях министерства народного просвещения»¹⁰¹.

Третий параграф «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» предусматривал, что установленные ими «обязанности и полномочия Советов, факультетов и ректором распространяются и на соответствующие органы власти других вышеозначенных учебных заведений»¹⁰².

В условиях разгоравшейся революции внесенные указанными «Правилами» поправки и дополнения в Университетский устав 1884 года были восприняты в университетах в качестве проявления слабости со стороны правительства. По университетам прокатилась волна митингов с требованиями расширения университетской автономии. В результате Совет министров вынужден был 16 ноября 1905 года принять постановление о закрытии высших учебных заведений до января 1906 года.

К октябрю 1905 года комиссия по разработке проекта нового университетского устава, проведя 30 заседаний, завершила свой труд. Текст проекта, состоявший из 207 статей, был напечатан вместе с объяснительной запиской к нему¹⁰³. Он предполагал, что университетам будет предоставлена довольно широкая автономия — «внутреннее самоуправление». Министр народного просвещения и попечители учебных округов сохраняли немалую часть прежних полномочий относительно университетов, но управление университетами должно было в соответствии с этим проектом осуществляться ректорами, избравшимися на двухлетний срок, и университетскими советами. Деканов факультетов предлагалось избирать на трехлетний срок. Для «ближайшего заведывания общими делами по учебной, хозяйственной и дисциплинарной части» проект вводил в систему университетского управления выборный сенат, который ставился над правлением университета, превращавшимся

¹⁰¹ См. о них в предыдущей статье: Законодательство. 2013. № 6.

¹⁰² Именной высочайший указ, данный Сенату, «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». 27 августа 1905 года. С. 659.

¹⁰³ См.: Проект Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1905.

вследствие этого в обыкновенный хозяйственный комитет. Кроме того, создавались должности двух советников: один из них должен был наблюдать за хозяйственной частью, другой — следить за соблюдением законности в деятельности университета и представлять университет при разбирательстве университетских дел в судах. Советника по хозяйственной части назначал министр народного просвещения по представлению попечителя учебного округа. Советника по юридической части — юрисконсульта избирал Сенат, а утверждал в должности попечитель (ст. 46 проекта Общего устава).

Организация преподавания специальных наук целиком возлагалась на факультеты. Восстанавливалась должность штатного доцента, отмененная Уставом 1884 года. Было предусмотрено, что ни окончание университета, ни приобретение ученой степени не порождают автоматически каких-либо служебных преимуществ в виде чина или звания, что означало отход от полуторавековой российской традиции увязывать уровень образования с местом в иерархии чинов по Табели о рангах.

В статье 2 рассматриваемого проекта нового университетского устава объявлялось: «Университеты суть учено-учебные учреждения, имеющие своей целью содействовать развитию наук в Российском государстве и сообщать лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование». В университетских уставах 1835, 1863 и 1884 годов определения университета не давалось, но главной задачей этих учебных заведений предполагалась подготовка молодых людей к государственной службе.

Условия нарастания революционного движения, в которых разрабатывался данный проект, отразилась весьма заметно на его содержании. Так, ст. 13 предоставляла попечителю возможность выходить за рамки своих полномочий в чрезвычайных ситуациях¹⁰⁴. Подобные статьи не могли понравиться ни преподавателям, ни студентам университетов. Университетские советы высказались поэтому против принятия проекта Общего устава императорских

¹⁰⁴ «В случаях чрезвычайных попечитель действует безотлагательно всеми зависящими от него способами, хотя бы они выходили из пределов предоставленной ему власти, немедленно доводя о принятых мерах и о причинах, их вызвавших, до сведения министра народного просвещения» (ст. 13).

российских университетов, разработанного правительственной комиссией в августе и сентябре 1905 года.

17 октября 1905 года был издан высочайший «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», вменивший в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Эта реформа изменила политическую обстановку в России и самым непосредственным образом повлияла на процесс разработки проекта нового университетского устава.

18 октября 1905 года В.Г. Глазов был заменен на должности министра народного просвещения графом Иваном Ивановичем Толстым (1858–1916). Либерал по мировоззрению, новый министр полагал, что университетам необходимо предоставить возможность самим разработать проект своего устава. Взяв в управление министерство народного просвещения, он сразу же предпринял попытку воплотить это мнение в жизнь¹⁰⁵. Все имевшиеся в министерстве материалы по разработке нового университетского устава И.И. Толстой приказал размножить и разослать по российским университетам с просьбой оценить их и высказать свои замечания относительно желательного устройства университетов.

Для обсуждения этих замечаний и выработки рекомендаций по проекту нового университетского устава министр народного просвещения распорядился созвать специальное совещание из ректоров и избранных советами университетов профессоров, по одному от каждого факультета. Собранные таким образом 44 человека, представлявшие все университеты России, совещались более трех недель – с 5 по 28 января 1906 года. Разделившись на пять

¹⁰⁵ В своих мемуарах граф И.И. Толстой писал, что мысль «о необходимости предоставить самим университетам разработать проект своего устава не только меня не покидала, но засела в голове весьма твердо, и я решился во что бы то ни стало, в какой-либо форме осуществить ее теперь, когда волею судеб я имел возможность исполнить это» (Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста, сост., авт. предисл. Л. И. Толстая, коммент. Р. Ш. Ганелина, А. Е. Иванова. М., 2002. С. 78).

подкомиссий, они сумели подготовить новый проект университетского устава¹⁰⁶.

Он состоял из 169 параграфов, сгруппированных в восемь глав¹⁰⁷, и предоставлял университетам самую большую степень автономии по сравнению со всеми предыдущими университетскими уставами и многочисленными их проектами.

Первый параграф данного проекта определял университеты в качестве «учено-учебных государственных учреждений», имеющих своими целями развитие наук, распространение знаний и предоставление учащимся высшего научного образования.

Во втором его параграфе провозглашалось: «Университеты суть автономные учреждения, управляемые профессорской коллегией на основании сего устава и организующие самостоятельно свою научную, учебную и административно-хозяйственную деятельность». Это означало, что университеты могли теперь самостоятельно учреждать новые кафедры, соединять и разделять их, увеличивать число профессоров и доцентов в той мере, в какой это позволяли финансовые средства (§ 65). Полиции запрещалось входить на университетскую территорию без разрешения ректора (§ 140). Если кто-либо из студентов или преподавателей задерживался полицией за пределами университета, то университетское руководство должно было уведомляться об этом в срок не позднее суток с момента ареста с указанием его причин (§ 157).

Явное достоинство проекта министра И.И. Толстого составляла норма, которая устанавливала, что национальность, вероисповедание и пол не могут служить препятствием к занятию должностей преподавателей и сотрудников университета (§ 153). Согласно проекту, женщины допускались и в число студентов университетов. Следует, правда, отметить, что с 1 сентября 1905 года университетские советы самовольно, без каких-либо министерских постановлений и

¹⁰⁶ См.: Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 2–4.

¹⁰⁷ См.: Устав императорских российских университетов. Проект, выработанный совещанием профессоров под председательством министра народного просвещения графа И.И. Толстого в 1906 г. СПб., 1906.

распоряжений, стали допускать женщин к обучению в университетах (сначала лишь на правах вольных слушательниц)¹⁰⁸.

По распоряжению И.И. Толстого текст его проекта университетского устава был переведен на основные европейские языки и направлен в университеты Англии, Франции, Германии, Голландии, Швеции и др. стран с просьбой к иностранным профессорам высказать свои замечания относительно его норм¹⁰⁹. Профессора иностранных университетов действительно откликнулись: некоторые из их отзывов показались весьма интересными и позднее были даже изданы в виде отдельной книги¹¹⁰. Любопытно, что широкая автономия, предоставлявшаяся проектом университетского устава, разработанным под руководством И.И. Толстого, не всем профессорам-иностранцам понравилась. Кое-кто из них считал необходимым отметить, что русские университеты получают автономию в такой большой степени, в какой она государственным учебным заведениям нигде не дается¹¹¹.

22 апреля 1906 года в преддверии начала работы Первой Государственной Думы император Николай II отправил в отставку Председателя Совета министров графа С.Ю. Витте. Это предрешило уход из правительства и графа И.И. Толстого: 24 апреля он был отставлен от должности министра народного просвещения. Подготовленный им либеральный по своим началам проект университетского устава утратил тем самым какую-либо перспективу быть принятым.

¹⁰⁸ Данный факт был признан Советом министром, который на своем заседании 17 августа 1906 г. констатировал: «Женский вопрос был уже на практике разрешен университетами, Советы которых, понимая дарованную им автономию как право распоряжаться всеми делами высших учебных заведений, разрешили прием в последние женщины на правах вольнослушательниц».

¹⁰⁹ В своих воспоминаниях И. И. Толстой писал по этому поводу: «Беспристрастная и авторитетная критика представителей западной академической науки была не только важна с принципиальной точки зрения, но могла послужить путеводной нитью и для Государственной думы при обсуждении и утверждении проектируемой университетской конституции» (*Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. М., 1997. С. 99*).

¹¹⁰ См.: Отзывы немецких и голландских профессоров о проекте университетского устава графа И.И. Толстого. СПб., 1910.

¹¹¹ См.: Там же. С. 12.

Преемник И.И. Толстого на посту министра народного просвещения Петр Михайлович Кауфман (1857–1926) считал либерализм вредным для Российской империи. В беседе с Николаем II, состоявшейся 3 июня 1906 года, он следующим образом оценил предоставление подданным Российской империи политических свобод: «Россия вообще ко всем обещанным свободам не готова, масса населения в них вовсе не нуждается». Тем не менее некоторые меры, предпринятые министром-либералом И.И. Толстым, новый министр, кажется, вполне одобрял. Это касалось, например, допуска женщин в университеты, отмены процентных норм для «лиц иудейского вероисповедания» и т.д.

Однако новый проект Университетского устава, разработанный под руководством П.М. Кауфмана был составлен в духе осторожного либерализма и умеренной консервативности. Он предполагал для университетов весьма ограниченную автономию, касавшуюся в большей степени преподавательского корпуса. Университетские же органы власти ставились им под жесткий контроль со стороны правительства.

Работа над этим проектом была завершена за полгода до увольнения П.М. Кауфмана с должности министра народного просвещения, поэтому данный документ не получил никакого движения.

1 января 1908 года на место Кауфмана был назначен Александр Николаевич Шварц (1848–1915). Его деятельность на посту министра народного просвещения была также недолгой: она продолжалась до 25 сентября 1910 года. Ее характер определился в первые же месяцы. 16 мая 1908 года А.Н. Шварц издал циркуляр «Об условиях приема в студенты и вольнослушатели университетов и других высших учебных заведений», которым было запрещено принимать в университеты «лиц женского пола». Эта его мера вызвала резко негативную реакцию со стороны образованного русского общества. В.В. Розанов писал о ней спустя три дня на страницах газеты «Новое время»: «Всякому, кто состоит не в штатах Министерства просвещения, а кто непосредственно живет в обществе и осязательно видит занятия молодых людей, несомненно, что студентки занимаются куда старательнее студентов, что пропуски лекций, проделки на экзаменах здесь не встречаются или составляют редкое исключение»¹¹². 8 июня

¹¹² Розанов В.В. Непоправимо затхлое ведомство // Новое время. 1908. 19 мая.

бывший министр граф И.И. Толстой занес в свой дневник следующую запись: «Шварцу достаётся и ещё достанется за его бестактные и глупые циркуляры, стремящиеся свести насмарку все, что было начато мною, Кауфманом и Герасимовым»¹¹³.

Общественное негодование по адресу циркуляра министра А.Н. Шварца от 16 мая 1908 года было настолько сильным, что правительству пришлось отступить. В октябре того же года Министерство народного просвещения приняло решения, которые позволяли женщинам, обучавшимся в университетах в качестве вольнослушательниц, посещать лекционные курсы до конца и завершить все обучение. 19 января 1910 года женщинам-вольнослушательницам разрешали сдавать экзамены экстерном за университетский курс, хотя и в специальных комиссиях.

Кроме того, своим циркуляром, изданным 14 июля 1908 года¹¹⁴, А.Н. Шварц подтвердил запрет на создание студентами представительных органов, не предусмотренных действующими узаконениями и правилами, введенный высочайше утвержденным 11 июля 1907 года Положением Совета министров «О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений»¹¹⁵.

Наконец, А.Н. Шварц постарался восстановить отмененные университетскими советами в 1905 году процентные нормы приема в университеты «лиц иудейского вероисповедания», заручившись предварительно поддержкой Совета министров. На заседании этого органа 19 февраля 1908 года было принято решение провести эту меру в жизнь посредством закона. 19 августа 1908 года Совет министров определил, что в тех высших учебных заведениях, по которым не имеется точных указаний касательно приема евреев в их уставах и положениях, должны соблюдаться «следующие процентные, по отношению к общему числу учащихся, нормы: 3% для столичных учебных заведений, 5% для находящихся в прочих местностях Империи вне черты еврейской оседлости и 10% в районе сей осед-

¹¹³ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 / публикация Л.И. Толстой. СПб., 1997. С. 200.

¹¹⁴ Циркуляр от 14 июля 1908 года «О студенческом представительстве» // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. XVII. Сентябрь. С. 81–82.

¹¹⁵ 3-ПСЗРИ. Том 27. № 29274. С. 352–353.

лости»¹¹⁶. 16 сентября 1908 года это постановление Совета министров было утверждено императором Николаем II.

В первый же год пребывания А.Н. Шварца на посту министра народного просвещения началась разработка нового проекта университетского устава¹¹⁷. Таким образом, начиная с П. С. Ванновского, каждый министр – Г.С. Зенгер, В.Г. Глазов, И.И. Толстой, П.М. Кауфман и, наконец, А.Н. Шварц – настойчиво старался составить свой вариант Общего устава императорских российских университетов. Данный факт свидетельствовал прежде всего о том, что несоответствие Устава 1884 года новым условиям деятельности университетов осознавалось всеми руководителями Министерства народного просвещения. Но с другой стороны, появление в России за сравнительно короткий срок – пять или шесть лет – небывалого множества различных проектов университетского устава означало, что в правительстве не существовало в рассматриваемое время сколько-нибудь устойчивого единства воззрений на оптимальную модель устройства университета. Общественная обстановка постоянно менялась и каждый министр старался приноровить к ней свой проект университетского устава вместо того, чтобы следовать общим закономерностям организации и деятельности университетов, исходить из целей и задач, для которых существуют такого рода учебные заведения.

10 мая 1910 года проект университетского устава, составленный в Министерстве, которое возглавлял А.Н. Шварц, был внесен в Государственную Думу. 12 мая вопрос о порядке его рассмотрения был заслушано общее собрание Думы. В результате было принято решение создать для изучения представленного проекта специальную комиссию.

Текст проекта нового Университетского устава состоял из 185 статей и шести глав: 1. Положения общие. 2. Управление университетами. 3. Устройство учебной части. 4. О личном составе университета

¹¹⁶ ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. XVIII. Ноябрь. С. 26.

¹¹⁷ Непосредственное руководство подготовкой проекта университетского устава осуществлял в это время заместитель А.Н. Шварца товарищ министра народного просвещения Г. К. Ульянов.

по учебной части. 5. Об учащихся. 6. Права и преимущества университетов.

Первая статья данного проекта гласила: *«Российские государственные университеты состоят под особым покровительством Его Императорского Величества и именуются Императорскими»*¹¹⁸. Она воспроизводила содержание первой статьи Университетского устава 1884 года с небольшой поправкой — слово «университеты» было заменено на словосочетание «российские государственные университеты». Эта поправка объясняется просто: 3 декабря 1905 года император Николай II утвердил всеподданнейший доклад тогдашнего министра народного просвещения графа И.И. Толстого о разрешении открывать частные курсы с программой обучения выше программы среднего учебного заведения. Вследствие этого в России до 1910 года было учреждено около сорока негосударственных высших учебных заведений.

Вторая статья проекта давала определение сущности университета. Она гласила: *«Университеты суть учреждения, имеющие своею целью содействовать развитию наук в Российском государстве и сообщать лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование, а также способствовать приготовлению их к деятельности на различных поприщах государственного и общественного служения, требующих научной подготовки»*¹¹⁹.

Как видим, составители этого проекта университетского устава попытались совместить новое понимание университета как учреждения, призванного содействовать развитию наук в России, с прежним представлением о нем как об учебном заведении, предназначенном для подготовки молодых людей к государственной службе.

В университетских уставах 1835, 1863 и 1884 годов сущность университета никак не определялось: представление о ней выражалось косвенно всем текстом каждого из названных уставов. Новый университетский устав должен был дать предельно ясное понимание

¹¹⁸ Устав императорских российских университетов // П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 2003. Т. 2. С. 598.

¹¹⁹ Там же.

сущности университета. Этот вопрос был основным в процессе обсуждения различных сторон университетской жизни, которое особенно интенсивно шло в российских университетах и в Министерстве народного просвещения с 1901 года. Общественная обстановка начала XX столетия в России настолько отличалась от условий, в которых российские университеты действовали ранее — на протяжении XIX века, что потребовалось переосмысление роли университетов в общественной жизни страны, их значения для существования государства, для развития русской культуры. Иначе говоря, в обстановке, когда русское общество пришло в движение, для проведения университетской реформы необходимо было прежде всего ответить на вопрос: ЧТО ТАКОЕ УНИВЕРСИТЕТ?

6

Организация университетского управления, предусмотренная проектом Общего устава императорских российских университетов 1910 года, отличалась от закреплённой в Уставе 1884 года целым рядом существенных черт.

Статья 4 действовавшего Университетского устава определяла, что «каждый университет, состоя под главным ведением министра народного просвещения, вверяется начальству попечителя местного учебного округа»¹²⁰. В аналогичной статье проекта устанавливалось, что «университеты состоят под главным начальством и общим руководством министра народного просвещения. Ближайший надзор за деятельностью университетов и управление ими в пределах, означенных в сем Уставе, вверяются попечителям учебных округов»¹²¹. Уже из простого сравнения этих двух статей видно, что власть попечителей была сведена проектом к чисто надзорным, контролирующим полномочиям.

Устав 1884 года возлагал на попечителя «обязанность руководства во всех распоряжениях по охранению порядка и дисциплины в университете» и предоставлял ему право «давать

¹²⁰ Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов. 23 августа 1884 года // 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 457.

¹²¹ Устав императорских российских университетов // Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2003. Том 2. С. 598.

ректору обязательные для него предложения о надзоре за студентами и требовать донесений о собственных его распоряжениях в этом отношении» (ст. 8)¹²². Составленный в 1910 году проект нового Университетского устава ограничивался заявлением о том, что «деятельность университета во всех ее частях должна быть всегда доступна контролю попечителя, и все лица, служащие в университете или состоящие при нем, обязаны давать попечителю по касающимся их делам объяснения» (ст. 9)¹²³.

Уставом 1884 года предписывалось, что «по делам, относящимся к заведыванию университетом, попечитель действует чрез ректора, Совет, Правление или Собрание факультетов университета»¹²⁴. Рассматриваемый проект предусматривал для таких случаев следующее правило: «Попечитель, когда признает это нужным, предлагает на обсуждение подлежащих органов университетского управления вопросы, касающиеся университета и учебного округа, и в сих целях имеет право созывать собрания совета, правления и факультетов, а равно и присутствовать в сих собраниях» (ст. 8)¹²⁵.

Органами непосредственного управления университетом выступали, согласно Уставу 1884 года, ректор, университетский совет, правление, собрание и деканы факультетов, инспектора студентов с их помощниками. Проект устава 1910 года отнес к таким органам ректора, проректора, деканов, правление и факультетские собрания.

Статья 14 проекта установила, что «кандидат в ректоры избирается из ординарных профессоров университета советом и, по утверждении выборов министром народного просвещения, назначается на должность на 3 года Высочайшим приказом»¹²⁶. По Уставу 1884 года ректор университета избирался на четыре года министром народного просвещения и назначался приказом императора.

Изданные 27 августа 1905 года «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» предоставляли университетским советам избирать не только ректора, но и его помощника там, где эта должность была

¹²² 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 458.

¹²³ Столытин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. Том 2. С. 599.

¹²⁴ 3-ПСЗРИ. Том 4. № 2404. С. 458.

¹²⁵ Столытин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. Том 2. С. 599.

¹²⁶ Там же.

предусмотрена. Проект университетского устава 1910 года сделал должность помощника ректора, названного проректором, неотъемлемой частью системы управления во всех российских университетах. В соответствии со статьей 27 проекта он должен был избираться «в помощь ректору» университетским советом сроком на три года, с соблюдением тех же условий, которые были установлены статьями 14 и 15 для избрания ректора.

По Уставу 1884 года декан факультета избирался попечителем учебного округа и утверждался в должности на четыре года министром народного просвещения (ст. 24). Рассматриваемый проект предписал, что «кандидаты на должности деканов избираются собраниями подлежащих факультетов, сроком на четыре года, из ординарных профессоров сих факультетов и утверждаются в должности министром народного просвещения» (ст. 32)¹²⁷.

Статьей 83 проекта было определено, что императорские университеты Московский, Казанский, Харьковский, Св. Владимира в Киеве, Новороссийский в Одессе и Варшавский имеют каждый по четыре факультета: 1) историко-филологический, 2) физико-математический, 3) юридический и 4) медицинский. В Императорском Юрьевском университете предполагалось наличие, сверх перечисленных четырех, еще и богословского факультета. Для Санкт-Петербургского университета устанавливалась особая структура: здесь не предусматривалось медицинского факультета, но зато полагался факультет восточных языков. Состав императорского Томского университета ограничивался в проекте университетского устава 1910 года двумя факультетами: юридическим и медицинским, а императорского Николаевского университета, открытого в Саратове в 1909 году — одним факультетом, медицинским¹²⁸.

¹²⁷ Там же. С. 602.

¹²⁸ В 1914 г. Государственная дума приняла законопроект о создании в Санкт-Петербургском университете медицинского факультета, в Томском — физико-математического и историко-филологического факультетов, в Саратовском — помимо названных двух еще и юридического факультета, но император Николай II не утвердил его из-за недостатка финансовых средств на обеспечение его деятельности. В 1916 году тогдашний министр народного просвещения граф П.Н. Игнатъев обратился к государю с представлением о приведении в действие этих планов, но его величество не поддержал данного предложения.

Перечень кафедр юридического факультета в проекте Университетского устава 1910 года повторял с незначительными изменениями тот, который был предписан Общим уставом императорских российских университетов 1884 года. Статья 86 проекта устанавливала: «В юридическом факультете полагаются следующие кафедры: 1) римское право, 2) гражданское право и судопроизводство, 3) торговое право (со включением вексельного и морского права) и судопроизводство, 4) уголовное право и судопроизводство, 5) история русского права, 6) государственное право (русское и иностранное), 7) международное право, 8) административное право, 9) финансовое право, 10) церковное право, 11) политическая экономия, 12) статистика, 13) энциклопедия права и история философии права»¹²⁹.

Кафедра административного права в Уставе 1884 года называлась кафедрой полицейского права, а политическая экономия и статистика преподавались в соответствии с этим Уставом в рамках одной кафедры, объединявшей в своем наименовании указанные науки.

В примечаниях к приведенной статье проекта говорилось, что помимо перечисленных предметов на юридическом факультете полагается преподавание всеобщей и русской истории и судебной медицины. Для императорского Варшавского университета была предусмотрена кроме того кафедра истории славянских законодательств, а для Юрьевского — кафедра местного гражданского права¹³⁰.

Таким образом, и в определении сущности университета, и в организации университетского управления проект Университетского устава, внесенный в мае 1910 года на рассмотрение Государственной думы, закреплял положения, прошедшие проверку временем и ставшие традиционными для российского университетского образования. В нем сохранялась система преподавания юридических наук, основы которой были определены предыдущими университетскими уставами. Вместе с тем данный проект снимал ограничения университетской автономии, установленные Общим уставом российских университетов 1884 года, он подтверждал принцип выборности ректора и декана, восстановленный «Временными правилами об управлении высшими учебными заведениями Министерства

¹²⁹ Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. Том 2. С. 614.

¹³⁰ Там же. С. 614–615.

народного просвещения» 1905 года. Такой законопроект имел все шансы на беспрепятственное прохождение через Государственную думу¹³¹, но случилось событие, которое перевернуло его судьбу.

Двигатель данного проекта А.Н. Шварц 25 сентября 1910 года ушел в отставку с поста министра народного просвещения. Формальным поводом своего увольнения он выставил невозможность работать в министерстве из-за проблем со здоровьем, о чем еще 7 декабря 1909 года сообщил в письме к председателю Совета министров П. А. Столыпину¹³². Но настоящей причиной такого поступка Шварца стали его разногласия с Петром Аркадьевичем. Александр Николаевич был убежденным противником какой-либо политизации университетов и сторонником ограничений возможности получения высшего образования женщинами и лицами иудейского вероисповедания. Главной задачей университетов он считал подготовку ученых и выступал против предоставления их выпускникам особых прав для занятия должностей на государственной службе. Следуя этим убеждениям в своей министерской деятельности, он отказывался идти на какие-либо компромиссы.

Просьба А.Н. Шварца об отставке встревожила Столыпина: он прежде всего подумал о том, что смена министра народного

¹³¹ О том, что принятие нового Университетского устава было ожидаемым событием свидетельствует закон об учреждении университета в Саратове, утвержденный императором Николаем II 10 июня 1909 г. В нем говорилось о распространении на Саратовский университет действия Общего устава и штатов императорских российских университетов, с последовавшими к ним дополнениями и изменениями, «впредь до издания новых Устава и штата императорских российских университетов». При этом объявлялось, что при Саратовском университете учреждается должность проректора, избираемого из профессоров данного учебного заведения (Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об учреждении Университета в городе Саратове. 10 июня 1909 г. // 3-ПСЗРИ. Том 29. № 32061. С. 460).

¹³² А. Н. Шварц писал в указанном письме: «Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич! Как мне приходилось уже говорить Вам два года тому назад, здоровье мое не давало мне надежды на продолжительную работу в министерстве. Правда, причиной вновь появившихся у меня припадков грудной жабы является прежде всего продолжительная и очень тяжелая болезнь жены, но все равно для той упорной и лихорадочной работы, которая требуется сейчас от министров, я уже не пригоден. Что мог, я сделал, подыщите же теперь более работоспособного и молодого деятеля» (*Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 47–48).*

просвещения задержит принятие нового университетского устава. В ответ на письмо Шварца Петр Аркадьевич в тот же день, как его получил, написал: «Многоуважаемый Александр Николаевич, письмо Ваше очень меня огорчило. Мне грустно было узнать, что Вы серьезно нездоровы, а затем, я боюсь, не должен ли я читать между строк? Между тем, солидарность наша, кажется, ни в чем не нарушалась, и мне казалось, что дело налаживается свыше всяких надежд. В моей искренней и сердечной к Вам симпатии Вы, конечно, сомневаться не можете и поэтому поймете, как тяжело мне было узнать, что вся налаженная Вами работа накануне крушения. Ведь для меня ясно, что законопроекты, касающиеся низшей, средней и высшей школы, могут быть проведены в обеих палатах только их составителем. Каждый новый министр начнет все переделывать и менять. Да и где он – этот достойный Вас заместитель?»¹³³.

Впоследствии в своих воспоминаниях А.Н. Шварц сообщил, что Столыпин хорошо понял, что для его ухода в отставку имелась причина более серьезная, нежели болезнь; при личном свидании председатель Совета министров только просил его «докончить бюджетный год, пробыть до конца сессии и очень настойчив не был»¹³⁴.

Встав летом 1910 года перед необходимостью найти замену А.Н. Шварцу на посту министра народного просвещения, П.А. Столыпин сначала обратил свое внимание на председателя Ученого комитета Министерства народного просвещения Н.Я. Сонины и на члена этого комитета, директора Женского педагогического института известного историка профессора С.Ф. Платонова. Своими соображениями о том, какими качествами в сложившихся в России условиях должен обладать министр народного просвещения, председатель Совета министров поделился со своим другом А.Ф. Мейендорфом. В письме к нему от 8 июля 1910 года Столыпин написал: «Дорогой друг, прошу Тебя помочь мне сведениями, которыми Ты, вероятно, располагаешь. Я очень озабочен замещением поста министра народного просвещения

¹³³ Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. С. 90–91.

¹³⁴ Там же. С. 48.

лицом подходящим, который вел бы дело строго, твердо, последовательно и вместе с тем пользовался бы авторитетом и уважением.

Мне указывают, с одной стороны, на Сони́на, с другой стороны, на Платонова. Во всяком случае желателен знаток дела, а не дилетант. Ты долго вращался в профессорских кругах. Что Ты скажешь о названных мною двух профессорах?

Так хотелось бы напасть на человека твердого, который не расстроил бы школы, не поддавал[ся] бы разным влияниям и ветеркам, и вместе с тем разумного, способного завоевать доверие родителей и общества. Менее всего тут, конечно, нужен политик или политикан. Желателен человек не старый и верящий в возможность сделать дело.

Дай мне сведения, которыми располагаешь, чем очень обяжешь»¹³⁵ (курсив мой. — В.Т.).

В конце концов Столыпин остановился на кандидатуре Льва Аристидовича Кассо (1865–1914). Впервые этот человек попал в поле зрения Петра Аркадьевича в декабре 1907 года, когда император Николай II решал вопрос о том, кого поставить на пост министра народного просвещения вместо П.М. Кауфмана. Председатель Совета министров предложил его величеству две кандидатуры. «Ваше Императорское Величество, — докладывал он 22 декабря 1907 года, — ввиду окончания дела с Кауфманом, я позволю себе переговорить со Шварцем и с Кассо, которого вызову из Москвы. После переговоров с ними доложу Вашему Величеству о том, кто из них, по моему мнению, способнее повести дело просвещения юношества твердою и умелою рукою»¹³⁶. С профессором Кассо Столыпин тогда так и не встретился, поскольку остановил свой выбор на А.Н. Шварце и именно его рекомендовал государю на пост министра народного просвещения. Но тем не менее Петр Аркадьевич имел намерение привлечь Л.А. Кассо к работе в Министерстве народного просвещения. 25 декабря 1907 года он писал Шварцу: «Хотя Вы мне показались очень сильным и бодрым, но я думаю, что все мы обязаны готовить людей и иметь помощников, способных продолжать дело. Поэтому я и позволил себе, в качестве кандидата на пост товарища министра, упомянуть проф[ессора] Кассо — я его не знаю и никогда не видел, но задавшись

¹³⁵ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 619.

¹³⁶ Красный архив.1928. Том 5 (30). № 5–7. С. 81.

целью выискивать людей, я не мог не обратить внимание на все то, что слышал про настоящую культурность, образованность и благородство этого человека»¹³⁷.

В апреле 1908 года Столыпин познакомился с профессором Л.А. Кассо лично. Лев Аристидович был назначен государем исправляющим должность директора Московского императорского Лицея в память цесаревича Николая¹³⁸ и пришел к председателю Совета министров представиться. Петр Аркадьевич был разочарован этим знакомством и скорей всего не вспомнил бы о Кассо при поиске подходящего человека на замену Шварцу, если бы Льва Аристидовича не рекомендовал на пост министра народного просвещения А.Ф. Мейендорф. 25 июля 1910 года Столыпин сообщил ему: «Дорогой друг, очень Тебя благодарю за ответ на мое письмо. Ты ошибаешься — я Кассо знаю. Он был у меня после назначения директором Лицея. Я, конечно, помнил Твой отзыв о нем и, при настоящих обстоятельствах, вспомнил о нем. Смущает меня очень уж нерусский его вид, воспитание и, кажется, "внутренний мир". Кроме того, близкое родство с такими великими интриганам, как Крупенский, тоже заставляет задуматься. Во всяком случае, буду в начале августа в Петербурге и постараюсь устроить еще раз "смотрины"»¹³⁹.

«Смотрины» прошли удачно для Л.А. Кассо, и 25 сентября 1910 года он был назначен главноуправляющим Министерством народного просвещения, а 2 февраля 1911 года император Николай II утвердил его в должности министра.

Таким образом, за первое десятилетие XX столетия в Российской империи сменилось семь министров народного просвещения¹⁴⁰: Л.А. Кассо был восьмым по счету главой данного ведомства. Каждая смена министра отражала в данном случае перемену политики государственной власти по отношению к университетам. Эта закономерность

¹³⁷ Столыпин П.А. Переписка. С.186.

¹³⁸ Данный Лицей был открыт в 1868 г. в память старшего сына императора Александра II цесаревича Николая Александровича, умершего в Ницце 12 апреля 1865 г.

¹³⁹ Столыпин П.А. Переписка. С. 620.

¹⁴⁰ Н.П. Боголепов, П.С. Ванновский, Г.Э. Зенгер, В.Г. Глазов, И.И. Толстой, П.М. Кауфман и А.Н. Шварц.

особенно ярко проявилась после замены на посту главы Министерства народного просвещения А.Н. Шварца на Л.А. Кассо.

22 ноября 1910 года новый министр отозвал из Государственной думы представленный туда его предшественником проект общего устава российских университетов. Комиссия, созданная для предварительного рассмотрения этого документа, успела провести только одно заседание.

О причинах такого поступка Л.А. Кассо можно догадаться, зная его воззрения на сущность университета. Лев Аристидович был противником университетской автономии и сторонником неограниченного никакими законами вмешательства государственной власти в университетскую деятельность и при этом отличался чрезвычайным педантизмом. Его политика относительно университетов оказала существенное влияние на развитие университетского образования в Российской империи в последние годы ее существования.

В конце 1910 года по российским университетам покатила волна студенческих митингов и забастовок. В ответ на это министр народного просвещения Л.А. Кассо подготовил циркуляр «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений»¹⁴¹, который был издан 11 января 1911 года. Согласно данному акту, в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги, в случае же, если этот запрет нарушался, на градоначальников возлагалась обязанность принимать с помощью полиции быстрые и решительные меры для восстановления правопорядка. Выпуская этот циркуляр, правительство руководствовалось благим намерением воспрепятствовать быстро шедшему процессу политизации университетов, их превращению из учебных заведений в политические клубы. Однако со стороны самих университетов указанное правительственное постановление вызвало резко отрицательное отношение.

27 января 1911 года в Московском университете началась забастовка. Стремясь вовлечь в забастовку как можно больше молодых

¹⁴¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Новая серия. Ч. 32. Отдел 1. С. 41-43.

людей, организаторы ее запугивали тех студентов, которые хотели учиться и не желали принимать какого-либо участия в политических мероприятиях. Дело доходило до того, что студентов, уклонявшихся от участия в митингах и забастовке, оскорбляли и даже били, их не пускали в учебные аудитории. Ректор Московского университета не захотел или не смог восстановить должный порядок во вверенном ему учебном заведении. В результате Московский градоначальник взял на себя функцию наведения порядка в университете. В университетские здания был послан наряд полицейских...

Руководство университета восприняло действия градоначальника и полиции как грубое нарушение университетской автономии. 28 января состоялось чрезвычайное заседание Совета университета, на котором ректор А.А. Мануйлов представил совету доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности нести на себе обязанности ректора и подает прошение об отставке. Такие же заявления были сделаны помощником ректора М.А. Мензбиром и проректором П.А. Минаковым. Совет Московского университета «признал, что при создавшемся положении выборная университетская администрация не может нести возложенные на нее обязанности»¹⁴².

1 февраля 1911 года главноуправляющий Министерством народного просвещения Л.А. Кассо принял отставку руководства Московского университета. На следующий день в «Правительственном вестнике» был опубликован Высочайший указ об увольнении А.А. Мануйлова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова от административных должностей. Одновременно им воспрещалось заниматься научной и преподавательской деятельностью в университете.

В знак солидарности с уволенными руководителями университета и протеста против действий правительства 3 февраля подала прошения об отставке целая группа профессоров и приват-доцентов императорского Московского университета. Юридический факультет покинули В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершеневич, Н. Н. Полянский, А.Э. Вормс, Н.В. Давыдов, И.А. Кистяковский, М.Н. Гернет, В.М. Устинов. На следующий день к ним присоединились П.И. Новгородцев, С.Н. Булгаков, Ф.Ф. Кокошкин.

¹⁴² Цит. по: газета «Русские ведомости». 1911. 29 января.

В условиях столь острого конфликта между университетами и правительством было невозможно плодотворно работать над проектом нового Университетского устава. Поэтому законотворческая деятельность правительства в области университетского образования свелась к разработке и принятию отдельных правовых актов — таких, например, как изданный 3 июня 1914 года закон «Об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях императорских российских университетов, об увеличении числа их и об усилении кредитов на учебную часть сих университетов»¹⁴³, принятый 3 июля 1916 года закон «О временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лица, а также доцентов императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лица и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов»¹⁴⁴.

Основная же масса нормативного материала, издававшегося для регулирования тех или иных вопросов университетской жизни, выражалась в форме циркуляров министра народного просвещения.

После смерти Л.А. Кассо, последовавшей 26 ноября 1914 года, главноуправляющим Министерством народного просвещения был назначен 9 января 1915 года граф Павел Николаевич Игнатъев (1870–1945). 6 мая того же года он был утвержден в звании министра. При нем была возобновлена работа над проектом нового Университетского устава. 5 ноября 1916 года тогдашний министр народного просвещения Н.П. Игнатъев представил в IV Государственную думу законопроект «Об издании общего устава и штатов императорских российских университетов». 2 декабря проект был оглашен в общем собрании Думы и передан в специальную комиссию, созданную для его обсуждения, а также на заключение бюджетной комиссии.

¹⁴³ Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Новая серия. Ч. 53. Отдел 1. С. 39–43.

¹⁴⁴ *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. 1916. 3 июля. № 197. Ст. 1662. Данным законом были установлены новые размеры годового штатного оклада преподавателей: ординарному профессору — 4500 руб., экстраординарному профессору — 3000 руб., доценту — 2400 руб., лектору — 1500 руб. Кроме того, были предусмотрены получали две прибавки к окладам по выслуге пяти и десяти лет соответственно для профессоров ординарных и экстраординарных, доцентов и лекторов — по 750, 500, 350 и 250 руб.

В «Объяснительной записке» к этому проекту нового Университетского устава были указаны причины, заставившие Министерство народного просвещения снова поставить в повестку дня вопрос о проведении университетской реформы: «В настоящее время мы переживаем такие великие исторические события, которые отодвигают на второй план многие из тех явлений, которым раньше придавалось несвойственное им значение, обусловившее то или иное направление в университетском вопросе. Наконец, в будущем мы должны быть готовы к мощному подъему всех производительных сил страны, который, в свою очередь, должен быть основан на таком же мощном подъеме научной мысли. Все эти обстоятельства создают благоприятный момент к проведению университетской реформы»¹⁴⁵.

В разгар Первой мировой войны правительство Российской империи уже думало о том, как страна будет развиваться после ее завершения — победоносного, естественно, — и приходило к выводу, что в послевоенных условиях развитие России примет такой характер, при котором возникнет небывало острая потребность в научных знаниях. Утвердившееся в русском обществе в первое десятилетие XX века понимание университета как учреждения, имеющего «своею целью содействовать развитию наук в Российском государстве», в полной мере соответствовало этой потребности.

Однако дальнейший ход исторических событий похоронил все возникавшие в правительственных кругах России замыслы и планы на послевоенный период.

27 декабря 1916 года граф П.Н. Игнатъев, осознав полное бессилие российской государственной власти и соответственно невозможность нормальной государственной деятельности в условиях нараставшего политического кризиса, ушел в отставку с поста министра народного просвещения. На его место был назначен Николай Константинович Кульчицкий (1856–1925). Ему выпала горькая судьба стать последним министром народного просвещения Российской империи.

Государственный переворот, совершенный в 20-х числах февраля 1917 года группой генералов-изменников, промышленников и политиков, враждебно относившихся к императору Николаю II,

¹⁴⁵ Объяснительная записка к проекту Устава императорских российских университетов. Пг., 1915. С. 5.

привел к революционной катастрофе, которая сокрушила Российскую империю и тем самым прервала поступательное развитие всех сфер русской культуры, в том числе университетского образования и юриспруденции.